

Цескорка

ЛЕНИЗДАТ ★ 1957

КОСТЁР

Слова Н. Щербакова

Музыка Н. Агафонникова

Весело

1. НА ПРИ-ВА-ЛІЕ И НА

ПЛЯ-ЖЕ, ВСЮ-ДУ, ГДЕ И-ДЁТ ИГ-РА, ЧАС-ТО С НА-МИ ВМЕСТЕ ПЛЯ-ШЕТ ПЛА-МЯ

Жарко-го костра. Спо-ём дру-зей. Пусть ве-се-ло вре-мя про-

мчи-ся. В кру-гу дру-зей у-чи-ть-ся ле-гко и тру-дить-ся. В кру-

ду дру-зей пес-ни петь у ко-стра ве-се-лей! 2. Ни на-//лей!

Текст песни на 55-й странице.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ

К. Досанов

В ЛАГЕРЕ

В лесу зелёном мы живём,
Среди цветов нарядных,
А рядом озеро — и в нём
Вода чиста, прохладна.

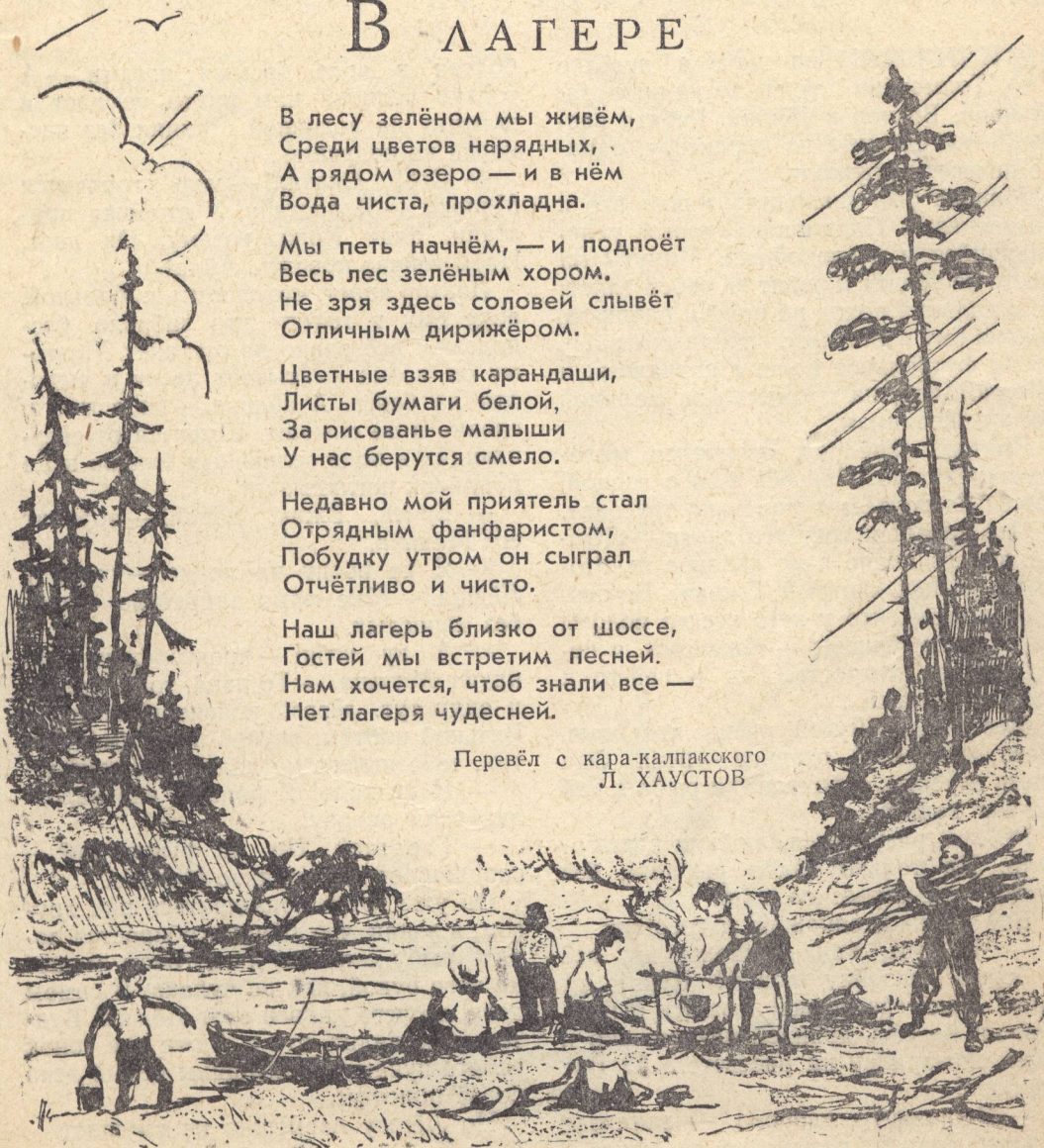
Мы петь начнём, — и подпоёт
Весь лес зелёным хором.
Не зря здесь соловей слышит
Отличным дирижёром.

Цветные взяв карандаши,
Листы бумаги белой,
За рисование малыши
У нас берутся смело.

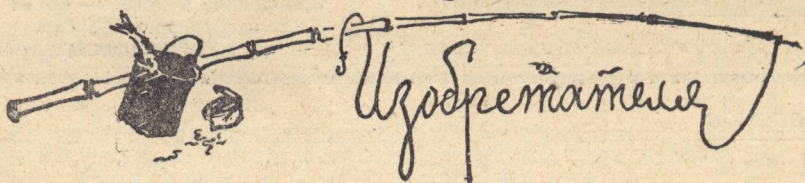
Недавно мой приятель стал
Отрядным фанфаристом,
Побудку утром он сыграл
Отчётливо и чисто.

Наш лагерь близко от шоссе,
Гостей мы встретим песней.
Нам хочется, чтоб знали все —
Нет лагеря чудесней.

Перевёл с кара-калпакского
Л. ХАУСТОВ

СЕКРЕТ

РАССКАЗ

ЖИЛИ-БЫЛИ на даче в посёлке Толмачёво три друга-пионера: Минька, Виктор и Лёшка. Ребята разные — не сходные по характеру, однако ничего — дружили.

Минька был «заводилой» всех игр и развлечений. Парнишка бедовый, увлекающийся и беспокойный. Минуты на месте не усидит и ребят за собой тянет: то в дальний поход на поиски каких-то, только ему известных, глиняных пещер, то на футбольное поле, а случалось, и в чужой сад, на промысел за малиной да крыжовником.

Виктор, наоборот, отличался мало-подвижностью. Паренёк был с ленцой, тяжёл на подъём и маленько трусоват.

Что касается третьего друга — Лёшки, то его иначе и не звали с некоторых пор, как «хитрый Ёжик». Во-первых, потому, что у него всегда волосы коротко острижены — «ёжиком», а во-вторых, за хитрость. Вот о ней-то и пойдёт рассказ...

Места под Лугой очень красивые. Леса кругом. А главное — река. Она здесь глубока, судоходна, и рыба в ней всякая водится.

Ребята, разумеется, любили порыбачить. Да только какая рыбалка без лодки — не серьёзное дело!

Вот Минька однажды и говорит:

— Что мы, как дошкольники, всё с берега уклеюку ловим! Курам на смех! Неинтересно же! Достать бы какой ни на есть дрянной челночишко и айда спозаранку на рассвете... А? Вот здорово!

— Здорово-то, здорово, — замечает нехотя Виктор, позёвывая от скуки и

болтая в воде босыми ногами. — А только челнока нам никто не даст и шлюпку на лодочной станции без паспорта не получишь.

— Ого! Сказал! — уже горячится Минька. — Я достану. У сторожа пристани, дяди Коли, возьму. Он даст. Идём сейчас просить. Айда!

Виктор знает, что спорить с Минькой, если ему в голову что забрело, бесполезно: всё равно не отстанет. Поэтому он молча сматывает леску и выходит на берег. А Лёшка — ни с места, словно и не слышит. Щурится от сверкающих в воде солнечных бликов и на поплавок поглядывает.

— Брось, Ёжик, давай! — торопит его Минька.

— Я не поеду на лодке, — говорит Лёшка. — Мне мама запретила ездить без взрослых.

— А ну тебя! — пренебрежительно плюёт Минька. — То папа, то мама! Ну и сиди тут, дёргай колюшек! А мы с Витькой плотвы, окуней наловим. Смори, тебе ничего не дадим, слышишь?!

— И не надо! Я больше вас наловлю, если захочу.

— Где это? Не на рынке ли? — спрашивает насмешливо Минька.

Он уже готов поиздеваться над другом, а узнав, что Лёшка собирается ловить рыбу с плота да с гонок, машет на него рукой, как на чудака. В самом деле, до чего наивен этот Лёшка! Будто он не видит, что с плота и с гонок ребята купаются, женщины целый день бельё полощут.

Но Лёшку насмешка не смущает.

— Я, — говорит, — вечером буду ло-

вить, на закате. Я секрет один знаю — хочу попробовать...

Друзья и слушать не стали. Отправились на пристань. Вскоре подъезжают в челноке к тому месту, где оставили друга. Смотрят, а Лёшка на берегу камни да коряги приподымает — червей ищет.

Помахали ему ребята руками: «дескать, счастливо оставаться!» — и отбыли на рыбалку.

Вернулись к обеду усталые, но довольные успехом: двух окуней поймали и три крупных плотички. Хвастаются уловом да спрашивают с насмешкой: «А у тебя, Ёжик, как дела?»

— Я не сразу... — отвечает, ни чуточки не смущаясь, Лёшка. — Мне подготовка нужна, дня 3—4, а потом я целое ведро наловлю.

— Ну, ладно! — смеётся Минька. — Это ты своей бабушке рассказывай!

Тут он с Виктором пошептался насчёт того, как бы проучить Ежа-хвастуна, и говорит Лёшке:

— Вот что, друг Ёжик: давай устроим спор-соревнование... Кто за пять дней больше рыбы наловит, тот выиграл и имеет право требовать от проигравшего что хочет. Идёт?

— Ишь какие! Мало ли чего вы потребуете!

— А уж это наше дело. Ну, что, струхнул, хвастунишка?

Лёшка в раздумье посопел носом,

сосредоточенно потёр рукой ёжик рыжеватых волос и говорит:

— Ладно! Согласен!

На другой день Минька и Виктор ещё семь окуней поймали. Приходят на дачу и кричат в два голоса:

— Где тут Ёж-хвостун? Подать его сюда!

А Лёшка тем временем на огороде червей копает.

— Вот погляди! — горланят наперебой рыболовы-удачники. — Семь штук! Один другого лучше. Со вчерашним уловом будет 12 : 0 в нашу пользу...

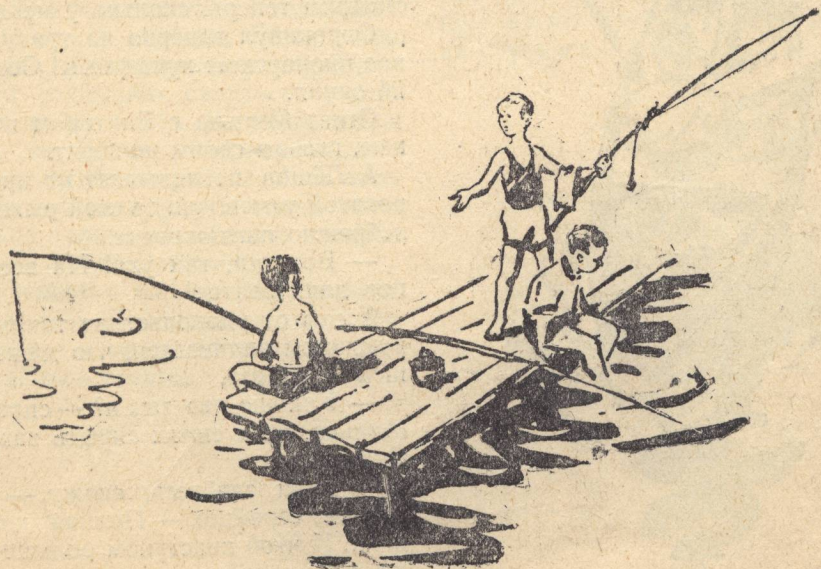
— Это ничего, — отвечает им Лёшка, — у меня ещё три дня в запасе. Я вас обойду на финише!

— Действуй! Действуй! — смеются ребята. — А то не догонишь!

Подошли четвёртые сутки. Встали Минька с Виктором часов в шесть утра, чтобы пораньше на рыбалку выехать, смотрят, а Лёшки на даче нет. Заглянули в окно его комнаты — пусто, и постели прибраны. А Лёшкина мать на кухне посуду моет. Спрашивают: «Куда Лёшка делся?»

— Тут, — говорит, — был всё время, удочки налаживал...

Сунулись ребята в чулан за своими рыболовными снастями, видят: Лёшкиных удочек нет на месте и сачка с ведёрком тоже нет. Ну, они бегом на пристань за челноком. Вот бегут они по берегу вдоль плотов да барок, смот-

рят, а Лёшка на старых гонках с удочкой стоит да рыбу за рыбой из воды таскает. Не успевает забрасывать — вот до чего силён у него клёв.

Разобрало ребят удивление и любопытство до крайности. Спешат к Лёшке. А он увидел их и шипит, словно змея:

— Тсс! Псс! Братцы-товарищи, дайте-ка отворот-поворот от моих ворот. Дуйте на своём челноке подальше. У меня тут клёв идёт полным ходом. Не мешайте!

Минька не выдержал:

— Брось ты, Ёж, задаваться! Покажи хоть чего ловишь, не лягушек ли?

— Глядите, не жалко! — отвечает Лёшка. — Да только поскорей... — А сам уже нового окуня из воды тянет.

Глянули ребята в Лёшкино ведёрко, а там штук двадцать рыб плещется. «Что за наваждение такое? — думает Минька. — На стаю попал, что ли?!»

А Виктор открыл рот от удивления и смотрит на Лёшку, как на фокусника.

Лёшка тем временем ещё окуня вытаскил, граммов на двести, не меньше. Кинул его небрежно в ведёрко и говорит:

— Ну, братцы, посмотрели и хватит! Катитесь! Подождите меня на даче, я через часик приду.

Поплелись Минька с Виктором домой и про рыбалку свою забыли. Идут, недоумевают: «Что-то происходит непонятное?!»

С большим нетерпением ждали Лёшку. Даже позавтракали кое-как, наспех. Наконец, является Лёшка.

— Ну, — говорит, — сколько было в вашу пользу — 12:0? Так, что ли? Посмотрим теперь, сколько у меня...

Опрокинул ведёрко на траву... Честное пионерское: куча рыбы! Сосчитали: 24 окуня.

Стоят Минька с Виктором поражённые, глазам своим не верят.

А Лёшка поглядывает на них с хитровой усмешкой, да свой рыжий ёжик небрежно поглаживает.

— Вот уха, так уха! На всех жильцов дачи хватит!

А сам от удовольствия таким ярким румянцем заливается, что даже веснушек не видать.

— Как же это ты, а? — спрашивает Минька, не в силах скрыть зависть. — Скажи!..

— Если сдаётся, скажу, — говорит Лёшка серьёзно. — Полная капитуляция... И чтоб хвастуном больше не звали. Согласны?

Добродушный и покладистый Виктор готов уже согласиться, но Минька предупредительно дёргает его за рукав и говорит сердито:

— Не хочешь — не рассказывай. Пожалуйста! А я не привык без боя сдаваться. Подумаешь тоже, на клёв попал случайно! Посмотрим, что завтра будет. Айда, Витька, за челноком! Мы ещё сегодня не удили.

Только рыбачить они не пошли, а, выйдя на улицу, стали шептаться — сговариваться, как выведать Лёшкин секрет. Решили установить наблюдение. Как раз вскоре мать Лёшку за хлебом на станцию послала. Они — шасть в чулан, давай удочки его осматривать. Видят: лески как лески, крючки как крючки. Всё обыкновенное. Однако вот странное дело — зачем Лёшке столько червей понадобилось? На полу три больших консервных банки полны червей.

Вечером два друга взяли книжки и легли в саду на травку. Лежат — будто читают, а сами тайное наблюдение ведут. Отсюда и комната Лёшки видна, и чулан, и калитка на улицу. Только стало солнышко садиться, видят, Лёшка в чулан пошёл. Выходит, а под мышкой две банки с червями. Оглянулся — не видят ли ребята. А те носы в книжки уткнули, будто чтением увлеклись. Как только за Лёшкой калитка закрылась, Минька и говорит:

— Спокойно! Сейчас мы узнаем, куда он пошёл. Лежи тут как ни в чём не бывало, а я мигом на веранду слегаю — бинокль возьму.

Захватил он бинокль, и два друга помчались что было духу по задворкам через огороды на другую улицу. Там кособок был высокий. Влезли на самую макушку. Отсюда все окрестности видны, как на ладони: и соседние улицы, и берег, и дальние гонки на реке. Стали по очереди в бинокль смотреть. Вскоре нашли Лёшку. На гонки идёт. Прошёл на самый край в глубину реки и давай из банки в воду червей разбрасывать. Сыплет горстями, словно кур кормит.

Выхватывают ребята друг у друга бинокль — смотрят, дивятся, да только ничего понять не могут.

А наутро Лёшка опять полведра рыбы принёс.

Тут уж пришлось сдаться — ничего не поделаешь. За таким чемпионом не утонишься.

Открыл им Лёшка свой секрет немудрёный. Рыбу-то, оказывается, он с вечера подкармливал. Ну и приучил её в одно место на кормёжку собираться. Вот какое дело!

За проигранный спор потребовал «хитрый Ёж» арбуз купить по его выбору.

Долго Минька с Виктором торговались — хотели порцией эскимо отделаться, но Лёшка был твёрд. Повздыхали ребята, сложились по трёшке и купили «хитрому Ёжу»-рыболову огромный арбуз.

Лёшка был великодушен. Пригласил на угощение. Самые лучшие большие куски друзьям своим нарезал — не скупился.

Флот поднимает паруса

Проложила штурман Ната
весь маршрут за полчаса.
Восемь лагерных фрегатов
поднимают паруса.
Есть приказ:
за Красной Дачей
высадить «морской» десант.
Преобычная задача —
хитрость,
скрытность
и талант.

Стелется туман белёсый —
стынет зеркало реки.

В красных галстуках матросы,
молодые моряки.
Ветер, заплутавшись в соснах,
подкачал на этот раз.
Налегай, братва, на вёсла —
будет выполнен приказ!
Наш вожатый
самый храбрый,
самый мудрый капитан.
...С якоря снялась эскадра —
только волны да туман.

Полотняный город

Где к реке сбегает роща,
по-над плёсом

 скоро
забелеет, заполощет
полотняный город.

А однажды утром рано
звонкий горн зальётся,
и на мачте флаг багряный
встанет рядом с солнцем.

Приключения навстречу —
в травах невидимки —
от палаток в лес и к речке
убегут тропинки.

Снимутся под взмахи вёсел
в плаванье флотилии.
Затрубят тревожно лоси,
мол, покой смутили их...

Скоро-скоро утром ранним
звонкий горн зальётся,
и на мачте флаг багряный
встанет вровень с солнцем!

ОКтябрьская революция застала автора рассказа «Парадный конь Чапаева» Сергея Андреевича Кузнина в рядах армии, в гусарском полку. Не задумываясь перешёл молодой корнет на сторону восставшего народа.

Один из дней 1918 года запомнился Сергею Андреевичу на всю жизнь. Тогда его вызвали в Смольный, к Владимиру Ильичу Ленину. С. А. Кузнин получил ответственное задание: охранять водные пути молодой республики. На Неве и на Ладоге, на Шексне и Канале Петра I охранял он грузы, шедшие в Петроград.

В том же году Коммунистическая партия обратилась к народу с призывом вступить в Армию, на защиту завоеваний Октября. Вместе с моряками, кораблей «Аврора» и «Грозный» С. А. Кузнин поехал на юг, в отряд к Василию Ивановичу Чапаеву. Там и протекала его боевая юность.

Вначале Сергей Андреевич выполнял у Чапаева отдельные поручения. Потом ему доверили командовать кавэскадром, а впоследствии и дивизионом. Дрался С. А. Кузнин с отрядами Колчака и Врангеля,

громил на Урале белоказанов. Три лошади были убиты под чапаевцем и сам он был ранен. Было трудно, но дрался до победы. И добыл её в боях.

С детства любил Сергей Андреевич лошадей. После гражданской войны он 25 лет преподавал конное дело в военных училищах. И сейчас он, полковник в отставке, не расстаётся с конём, готовит спортсменов-конников в ДОСААФе.

Мы так и сфотографировали С. А. Кузнина на коне «Алмаз», подаренном ему Маршалом Советского Союза Семёном Михайловичем Будённым.

Рассказы бывалых людей

Рис. В. Орлова

Парадный конь Чапаева

ГРОМИВШАЯ Колчака славная Чапаевская дивизия была брошена на правый фланг армии, а кавалерийский дивизион её, которым я командовал, — на правый фланг дивизии.

В один из дней прошли мы более восьмидесяти километров. Большой переход утомил людей, и дорога стала казаться однообразной и скучной. С нетерпением ожидали все, что вот-вот появится на горизонте большое село, где будет вдоволь и сена и овса для наших лошадей и где мы, наконец, поужинаем и заночуем.

□
С. А. КУЗИН,
командир кавэскадрона
Чапаевской дивизии

Но деревни и хутора встречались редко. Уставшие красноармейцы, ехали молча.

□
Уже начинало темнеть, как на опушке леса мы увидели высокий деревянный забор, переходящий у дороги в железную, на каменных столбах, ограду. Люди невольно оживились, а лошади прибавили шаг.

Вскоре подъехали к закрытым железным воротам ограды, на которых висела дощечка с какой-то надписью. Подъехав ближе, мы с комиссаром

прочли: «Аще кто в сей дом взыйдет, смерть тот обрящет».

Взмахом клинка я перерубил проволочку, на которой висела эта дощечка. Открыли ворота и рысью въехали на красивую аллею, с двух сторон усаженную клёнами.

Аллея вела к большому помещичьему дому, утопавшему в тёмной зелени густого парка. Большие белые колонны украшали фасад старинного здания. Подъехав к нему, мы спешили и, передав лошадей коноводам, растёгивая кобуры и вынимая из них нагайки и маузеры, направились по ступеням широкой каменной лестницы во внутренние покои дома.

Первая комната, куда мы вошли с широкой каменной веранды, оказалась столовой. Большой, богато сервированный стол был уставлен различными кушаньями и винами. Закуска была нетронутой, но большие дубовые стулья стояли вокруг в беспорядке, а некоторые из них были даже опрокинуты.

Обстановка не позволяла нам долго любоваться яствами на столе. Командиры направились в другие комнаты дома. Блеск хрусталя, бронзовые люстры, фарфоровые, наполненные цветами, вазы, тёмная бархатистость ковров, тяжёлые портьеры. Большие тёмные портреты неизвестных людей смотрели из золочёных рам с презрительной ненавистью. Глядя на них, у меня возникло подозрение, что закус-

ки и вина накрытого и оставленного врагами стола отравлены.

Через две-три минуты, когда командиры, не обнаружив никого, возвращались в столовую, с аппетитом поглядывая на закуски, я приказал:

— К столу не прикасаться! Всё отравлено!

Моё приказание поддержал комиссар дивизиона, пожилой иваново-вознесенский рабочий, и все поневоле отказались утолять голод барскими закусками, но, отходя от стола, всё же косились на него.

После предварительной разведки дивизион был введён во двор имения и размещён в амбарах, сараях и конюшнях.

Командиры долго устраивали свои подразделения и размещали лошадей. Только поздно вечером, выставив внутренние посты и заставы, вернулись в

помещичий дом. Сюда же пришли и накормившие лошадей коноводы.

Все снова вошли в столовую, где закуски так и стояли нетронутыми. Коноводы принесли своего хлеба и несколько штук сухой воблы. Чтобы не смущали барские кушанья, мы расположились подальше от стола, на стульях и подоконниках. Весёлые голоса и шутки наполнили своим шумом чопорную обстановку комнаты.

В разгар «пиршества» мой коновод, со странной фамилией Нога, шепнул мне, что есть тут хорошая и мягкая койка. Он провёл меня в роскошную барскую спальню, обставленную красивой позолоченной мебелью, с широкой деревянной кроватью. На кровати был только один голубой матрац, ни подушки, ни одеяла не было.

— Ладно, и без подушки отдохнёте, покровитесь шинелью, — сказал Нога.

Я вышел отдать распоряжения о высылке разезда и проверить выставленные заставы с приятным сознанием предстоящего ночлега, а когда вернулся, коновод мой уже сладко похрапывал на маленьком диванчике.

Сразу-то я и не заметил, но, раздевшись, обнаружил вдруг, что кровать была постлана и простыней и великолепным одеялом с пододеяльником, а в головах оказалась мягкая пуховая подушка.

— Откуда взялось всё это? — размышлял я. — Не из таких уж добряков мой Нога, чтобы всё отдать мне, а самому спать без подушки.

Было, однако, не до раздумий, усталость брала своё, и скоро я начал засыпать.

Но вдруг и мысли мои и одолевавший сон были нарушены каким-то шорохом и стуком в коридоре, куда выходила дверь моей спальни. Открыв глаза, я увидел мерцание какого-то огонька и услышал повторение стука. Быстро вскочил с кровати, схватил револьвер, накинул шинель и, толкнув по дороге ногой диванчик, на котором сладким сном усталого солдата спал мой коновод, громко крикнул:

— Кто здесь?

С револьвером в руке я бросился туда, где мерцал огонёк. Шум услышали ещё не успевшие заснуть в столовой

командиры и коноводы, которые, вскочив, бросились вслед за мною.

В комнате, расположенной на пять ступенек ниже тех, где находились мы, стояла молодая девушка. В одной руке она держала зажжённую свечу, а в другой несколько подушек, которые она, видимо, только что вынула из сундука, около которого стояла.

— Выходи сюда! — разом крикнули несколько голосов.

— Кто ты и откуда? — спрашивали другие.

Девушка с подсвечником и подушками вышла к нам.

— Я здешняя, — сказала она, — хочу дать вам подушки.

Начался допрос, в котором принимали участие все присутствующие, вплоть до коноводов. Девушка сказала, что её зовут Таня, что она дочь экономки и живёт во флигеле на краю парка.

Было ей не больше шестнадцати лет. Черты хорошенького личика были ещё совсем детскими. Большие голубые глаза светились такой искренней простотой, что с первых же минут расположили к себе всех присутствующих.

Убедившись в безопасности, мы спросили девушку, для кого были приготовлены стоящие на столе кушанья и не отравлены ли они.

Оказывается, у хозяев дома собрались в тот вечер помещики, офицеры и генералы. Стол был приготовлен в честь приезда какого-то офицера из главного штаба. Все уже стали садиться за стол, как вдруг закричали, что скачет отряд красных. Гости и хозяева удрали.

— Я не знала, что мне делать, а хозяйка дома, уезжая, крикнула из коляски, чтобы я осталась караулить, — закончила свой рассказ Таня.

Последнее показалось всем смешным, и девушку стали называть в шутку «караульщицей».

— А ну-ка, караульщица, откушайка из этой бутылочки, — предложил кто-то.

— А ну попробуй вот из этой, — говорили другие.

Вполне понятно, что девушке надо было немного, чтобы запьянеть.

Учтя это, комиссар объявил:

— Кто посмеет обидеть девушку — головы не сносить!

Отношение к девушке стало отечески предупредительным, а закуски на столе стали быстро редеть и таять.

Убедившись, что всё обходится благополучно и съев зажаренную ножку индейки, я, наконец, отправился спать.

* * *

На второй день отославшиеся коноводы в разговоре с нашей пленницей узнали про неизвестную им профессию.

— Я маникюрша, — сообщила им девушка.

— Що це таке — маникюрша? — спрашивали бойцы.

Таня принесла маникюрный прибор и показала своё умение, отполировав и покрыв лаком палец одному из коноводов.

Это так понравилось бойцам, что к ней стали тянуться загрубевшие руки других.

К вечеру у всех обитателей дома, и у командиров и у коноводов, было на руках по одному отполированному и покрытому лаком пальцу. Некоторые, как дети, любовались им и держали отдельно от других, боясь испортить глянец.

Пленницу полюбили, стали звать её в шутку то «караульщицей», то «маникюршей».

Но полюбили её не только за то, что она так искусно делала маникюр. Она завоевала симпатию у бойцов ещё и тем, что показала, где запрятан овёс, где зарыта пшеница и где хранились продукты.

Уже на второй день пребывания её в нашем плену она сделалась общей любимицей дивизиона.

Её стройную, почти детскую фигуру со светлыми косами можно было встретить то во дворе, то в конюшнях, то около котла походной кухни. Везде она находила себе дело. То помогала бойцам заправить почему-то не горевший фонарь «летучей мыши», то зашивала порванную гимнастёрку красноармейцу или носила для подстилки лошадям мягкую солому. На шутки бойцов отвечала она приветливой улыбкой.

Бойцы постарше называли её «доченькой», а те, что были помоложе, звали её «сестричкой». И было похоже, будто давно уже живёт она у нас в дивизионе, будто вместе с нами и приехала сюда.

На другой день поздно вечером, когда я возвратился с обхода застав и собирался уже ложиться спать, ко мне постучалась Таня.

— Вы не спите? — спросила она.

— Нет, нет, входите. — Таня вошла, и я увидел по её взволнованному лицу, что она хочет что-то сказать.

Девушка присела на край стула и, нагнувшись ко мне, шёпотом сказала:

— Господа оставили здесь очень дорогую лошадь. Они не взяли её потому, что она больна и не могла идти с ними. Уезжая, они поручили мне смотреть за нею. Но они могут прислать человека и увести её. Это очень красивая и дорогая лошадь. Возьмите её себе.

На мой вопрос, где же сейчас эта лошадь, девушка объяснила, что спрятала её в густых кустах парка.

— Сейчас уже поздно и темно, а завтра утром я покажу её вам.

Видя моё нетерпение, она уверила меня, что ночью её никто не найдёт, и

мы условились пойти за лошадей утром. Сообщение Тани очень заинтересовало меня и ещё больше расположило к девушке.

— А не скучаете вы здесь одна без мамы и не жалеете, что остались у нас? — спросил я.

— У вас я не буду скучать, а вот маму мне жалко, но она обещала вернуться.

Увидев на моём лице удивление, она ещё раз повторила:

— Вот увидите, что она вернётся, — и уже с грустью добавила:

— Ведь не сладко живётся ей у господ, и делать ей с ними нечего.

* * *

УТРОМ я был разбужен коноводом. — Вставайте, — говорил Нога, — гляньте, что творится на дворе! Не стало нашей маникюрши, — голос его дрожал.

Я посмотрел в окно. Большая толпа красноармейцев окружила крестьянскую подводу. Через головы бойцов виднелась лишь одна дуга да голова запряжённой в неё белой крестьянской лошади. Наскоро одевшись, я выскочил во двор. Пробившись к телеге, я увидел, что на ней, лицом вверх, лежала наша Таня. Лицо её было мертвенно бледно, а на белой блузке, на груди, запеклась кровь.

Прошло несколько минут молчания, и мы с комиссаром занялись выяснением причины и обстоятельств смерти девушки.

Начальник разъезда, безусый, совсем ещё юный паренёк — командир первого взвода 2-го эскадрона, доложил, что на рассвете он увидел быстро двигавшуюся по пашне крестьянскую подводу с лежащим на телеге мешком. Когда разъезд окружил подводу, то увидел на телеге убитую девушку. Подводу доставили в расположение дивизиона.

Доклад начальника разъезда не раскрывал ясной картины гибели девушки, и естественно, что у нас с комиссаром возникли различные подозрения. Как ночью попала девушка в поле, когда ещё вечером все видели её в доме? Кто мог убить её? И куда ехала она одна в телеге? И у меня и у комиссара возникло сомнение, которое почему-то оба мы воздержались выска-

зать друг другу: уж не хотела ли она на рассвете уехать от нас к белым?

Так или иначе перед нами встал вопрос об её похоронах, и мы дали распоряжение первому эскадрону приготовить могилу.

Часть бойцов пошла получать лошады, а другие, выполняя команду старшин, повели лошадей на водопой к большому пруду.

Вспомнив о вчерашнем сообщении девушки про лошадь, я рассказал о нём комиссару. Высказывая друг другу свои предположения, мы с ним тоже пошли к месту водопоя.

Весь берег огромного пруда был заполнен лошадьми. На одних сидели красноармейцы, других держали в поводу. От утреннего холода шерсть на конях казалась бархатистой. С нетерпением тянулись они к воде и подолгу не отрывались от её зеркальной поверхности.

Мы прошли к берегу.

От воды доносилось непрерывное кваканье лягушек, а прозрачный воздух наполнялся пением птиц. Тихое утро было безоблачным, и всё вокруг казалось спокойным и мирным.

Но вдруг из общей группы отделились несколько всадников и карьером пронесли мимо нас по берегу пруда на его противоположную сторону. Мы с комиссаром увидели, как красноармейцы, с трудом справляясь с разгорячёнными лошадьми, кого-то окружили и вытаскивали из пруда.

Через несколько минут перед нами стоял матёрый бандит из шайки белогвардейцев. Наружность его, даже с первого взгляда, не внушала доверия. Это был здоровый, лет тридцати пяти, мужик, в чёрной рубашке, в меховом старом жилете и в защитных, английского образца, галифе. Рыжие мокрые волосы прядями спадали на его покрытое веснушками лицо. Большой шрам пересекал наискось левую щеку, а единственный глаз, прищурившись, смотрел исподлобья.

Пойманный сначала молчал при допросе. И только после долгих запыток сказал, что приехал сюда, чтобы увезти оставленного здесь господами племенного жеребца, но не нашёл его.

Сообщение бандита о жеребце было

с большим интересом встречено присутствующими при допросе коноводами, а мы с комиссаром убедились, что вчерашний рассказ девушки не был вымыслом.

Разыскивать таинственного жеребца вызвалось много охотников. Весь этот шумный отряд возглавил мой коновод Нога, которому я указал приблизительно направление в парке, как мне его указала Таня.

Рысью направился Нога с десятком всадников в сторону парка. Цепью рассыпались они между деревьев по кустам и полянкам.

Спустя некоторое время карьером примчался из парка один из бойцов.

— Нашли, — доложил он. — Эх, красавец! Доктора надо, на ногу не становится.

Старый ветеринарный фельдшер был тут же, и мы вместе с ним поспешили в парк.

Пробравшись сквозь густые заросли кустов, напоминавших настоящие джунгли, где, казалось, не ступала нога человека, мне с трудом удалось угомонить вошедших в азарт и шумевших вокруг жеребца конников. От неожиданности находки и восхищения они даже не слышали моих приказаний.

Каждый из них авторитетно высказывал своё мнение:

— Нарочно коня загубили, ироды окайнные!

— Кровь ему пустить надо бы!

— Ерунда, всего одна жила перебила!

Державший жеребца Нога останавливал галдевших:

— Не пужай. Видишь, боится!

Испуганный внезапным и шумным окружением, жеребец и вправду дрожал и, высоко подняв голову, перебирал ногами.

Это был действительно красавец серебристо-серой масти, с явными признаками арабской крови. Большие чёрные глаза и широко раскрытые ноздри украшали его маленькую с вогнутым профилем голову. Редкая грива шелковистыми нитями спадала с тонкого гребня шеи. Перебирая на месте ногами и гордо подняв красивую шею, он беспрерывно шевелил своими тонкими ушами и, косясь, показывал белки красивого глаза.

Старый фельдшер внимательно осмотрел коня, заглянул ему в зубы, наклонившись, обошёл кругом, прощупав сухожилия всех ног, и, подняв одну из них, обнаружил укол подошвы.

— Пустяки, — проговорил он, хлопая жеребца по шее. — Вылечим. А мог бы и погибнуть.

— Сбегай-ка в конюшню, — обратился он к одному из бойцов, — захвати мою сумку с медикаментами.

— Я доскачу, — вызвался один из конных, и через две минуты брезентовая сумка с синим крестом была доставлена.

Вынув из неё нож, старик расчистил им копыто больной ноги и вытащил из него большой погнутый старый гвоздь.

— Вот она причина хромоты, — сказал он.

Струйка крови потекла из открытой раны по подошве копыта. Расчистив и углубив рану, фельдшер промыл её и, заложив чистыми листьями подорожника, наложил повязку.

— Что ж, поведём красавца, — сказал он.

Красноармейцы раздвинули ветви кустов, чтобы они не хлестали по лошади, и Нога с гордостью повёл жеребца из засады.

После удаления гвоздя жеребец только слегка прихрамывал.

— Вылечим, — ещё раз сказал старый фельдшер, когда окружённого и пешими и конными бойцами жеребца вывели на песчаную дорожку парка и повернули к конюшням.

Приведённый во двор жеребец был поставлен в конюшню, а разоблачён-

ный за это время комиссаром бандит сознался, что, не найдя жеребца, он решил увезти девушку для расправы к белым. Сонную увёз он её на крестьянской подводе, но, встретив на пути наш разъезд, ножом заколол её, нахлестал лошадь и, соскочив с телеги, спрятался в камышовых зарослях пруда, где и был обнаружен во время утреннего водопоя.

* * *

НЕДАЛЕКО от барского дома, на небольшой полянке, вдающейся в парк, была вырыта могила. На песчаное дно красноармейцы набросали цветов, сорванных ими с клумб барского сада, и тело девушки было опущено на них.

Красноармейцы сняли шлемы, кто-то из них положил ей на грудь ветку алых цветов.

Когда над землёй был уже накопан холмик, вдруг, расталкивая толпу, с возгласом — «стой ребята», пробрался к могиле Нога, выхватил лопату и стал раскапывать землю. Все в недоумении молчали, не понимая, в чём дело.

Выкопав неглубокую ямку, Нога убежал, и только тогда, когда через минуту он возвратился к могиле с большим кустом выкопанного им в саду жасмина, все с облегчением вздохнули.

* * *

ПРОШЛО ещё несколько дней, и наш дивизион собрался в дорогу. Эскадроны выстроились во дворе в походную колонну. У крыльца, на котором стояли мы с комиссаром, нервно постукивал копытом оседланный жеребец. Новому коню нашего дивизиона ещё и имени не дали.

И тут у колонны дома увидели мы незнакомую пожилую женщину в поношенном пальто городского покроя, с платком на голове и с небольшим узелком в руках. Нога делал ей какие-то знаки, показывая глазами на нас.

Вытерев кончиком платка слезу, женщина подошла к нам.

— Вы командир будете? — робко спросила она. — Я к вам... в отряд... Хочу тоже с вами...

Удивлённый комиссар спросил, что она будет у нас делать.

— Всё могу, — ответила женщина. — И шить, и стирать, готовить могу... И ещё... Стрелять хочу научиться. За дочку мою...

Это была мать погибшей Тани.

Так и стала она матерью всего дивизиона. И портнихой была, и прачкой, поваром. И стрелять она тоже научилась, отличным стрелком стала.

...А найденный конь очень понравился Чапаеву. Увидел он его, когда мы уже соединились с другими частями нашей дивизии. Мы тогда только в деревню въехали. Смотрим, скачет прямо к нам группа всадников: впереди начдив Василий Иванович Чапаев, рядом комиссар Фурманов, комбриги Кутяков, Потапов. Чапаев нам только рукой знак подал: мол, следуйте за мной.

На широкой рыси миновали мы деревню, выехали на бугор к опушке рощи. Жеребец так и играл подо мной, гордо вскинув голову и горячась от присутствия не знакомых ему лошадей. Командиры бригад с завистью и восхищением поглядывали на него.

Василий Иванович тоже несколько раз окинул его взглядом, но ни слова не сказал. Он был занят другим, более важным делом — проводил рекогносцировку местности предстоящего боя. Боя, в котором мы должны были дать первый отпор армии Колчака.

Начдив указывал бригадам участки местности, командиры наносили обстановку на карты.

— А конным душам (так называл Чапаев свою кавалерию) ждать приказа атаки вот в этом лесу, — указал он нам с комиссаром на рощу. — Цель наша — разбить врага, а отсюда всё остальное должно быть ясно.

Командиры бригад и начальники штабов ещё долго о чём-то сговаривались между собой, а начдив указал на моего жеребца и спросил:

— Откуда?

Я объяснил и добавил:

— Хотим вам передать.

— Такого-то красавца? — улыбнулся Чапаев. — Попробовать, что ли?

Лихо вскочил он в седло, тронул под бока каблуками. Проехав на нём немного, слез.

— На таком коне только парадом командовать, — заметил один из комбригов.

— Хорош конь, — похвалил жеребца и Чапаев. — А только я на него своего маштака не променяю. Сначала врагов побить надо, а потом уж и о парадах думать. — И ещё раз похлопав коня, сказал: — Чапаев и на простом коне дела большие делать умеет.

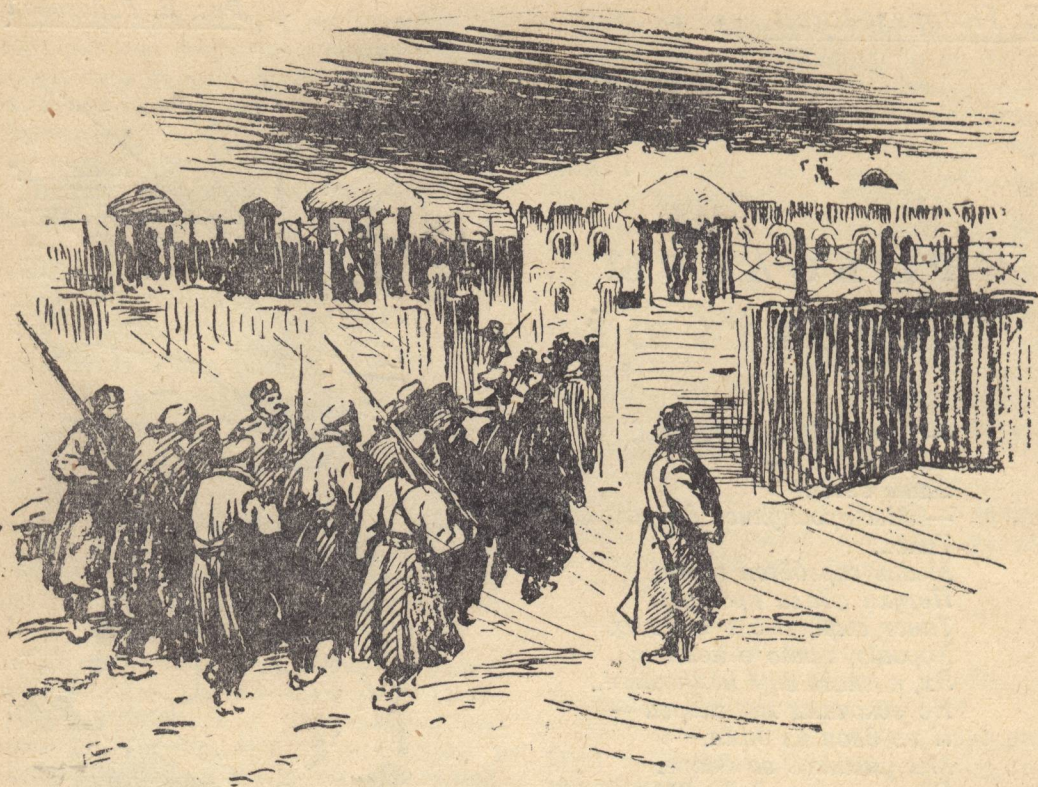
Так с тех пор и прозвали жеребца «Парадным».

РЫБОЛОВЫ РАПОРТУЮТ

— Ну, ребята-рыболовы,
 Рапортуйте, —
 Ваше слово!
 — Мы проснулись до рассвета.
 Тихо...
 Мышь скребётся где-то.
 Петухи вдали пропели.
 Тянет сыростью в окошко.
 Хорошо, тепло в постели...
 Эх, поспать ещё немножко!..
 Но вскочили мы скорей —
 И во двор из дома.
 Мы умылись во дворе:
 Где вы, сон и дрёма?!
 И пока другим в постели
 Потянуться было лень,
 Мы на озере смотрели,
 Как рождался новый день,
 Как туманы-великаны
 Подымались на курганы,
 Как стеною встали там, —
 Не пускали солнце к нам,
 Мы увидели:
 Над ними
 Небо заревом зажглось.
 Солнце копьями своими
 Пробивало их насквозь.
 Окровавлены,
 Багряны,
 Отступили великаны.
 Вышло солнце на простор.
 Грянул песню птичий хор.
 Вот как было!..
 Ну, да, впрочем,
 Не об этом разговор.
 Рапорт будет впереди.
 С чашкой-ложкой подходи!
 Вот он, рапорт наш какой:
 Называется ухой.
 — Как, ребята, неплохой он?..
 — Очень даже неплохой!

Борис Раевский

Рисунки
В. Сердюкова

„Дум спиро“..

В КАМЕРЕ № 18 Александровской пересыльной тюрьмы день начался как обычно. Первым проснулся лохматый грузин, уголовник Баркадзе. Он потянулся на верхних нарах, громко прочитал объявление на стене:

«Нэ курыть, нэ сорыть!»

И смачно плюнул на пол.

Потом, почёсывая волосатую грудь, принялся читать подряд все наклеенные на стене бумажки:

«Запрэщэаэцца:

а) Стаять у акна.

б) Пэть.

в) Громко разговарывать...»

«И в камэрэ помны, что ты — чэловэк!»

«Чыстота — пэрвый признак порадочного чэловэка».

Нижe висело объявление, написанное не по-русски:

«Дум спиро — сперро».

Тот, кто писал, очевидно, не надеялся, что заключённые знают латынь, и внизу поместил перевод: «Пока дышу — надеюсь».

Эти «циркуляры» были гордостью начальника корпуса Коваленко. Заключённые прозвали его «Сиктράнзит», потому что он часто, к месту и не к месту, произносил латинскую поговорку: «Сик трáнзит глориа мунди» (так проходит земная слава).

«Сиктранзит» сам сочинял «циркуляры», сам переписывал их набело каллиграфическим почерком, сам наблюдал, чтобы они были развешаны во всех

камерах. И упаси бог сорвать их или приписать какое-нибудь «примечание»... Виновного ждал карцер.

...Вскоре заворочались и другие обитатели маленькой душевной камеры. Нары в ней были расположены в два этажа, но всё равно заключённые не помещались на них, и многие спали прямо на полу. И не удивительно: в камере, рассчитанной на шесть человек, сейчас находилось 13 заключённых.

Верхние, самые лучшие нары занимали «Иваны» — так в тюрьмах называли крупных уголовников — убийц, матёрых грабителей.

«Иваны» командовали, а уголовная мелюзга, расположившаяся на нижних нарах, беспрекословно подчинялась им.

«Политиков» в камерах и уважали и ненавидели. Уголовники считали их баррами, «чистюлями», интеллигентами. К тому же тюремное начальство исподтишка натравливало уголовников на «жлобов».*

«Политиков» было всего пять. Их привели, когда камера была уже полна. Волей-неволей им пришлось разместиться под нарами, прямо на полу.

...Бабушкин лежал на полу, как и четверо его товарищей. Не открывая глаз, слушал, как наверху, на нарах, сильными голосами лениво переругивались двое воров.

Баркадзе, уже прочитавший все «циркуляры», приставал к маленькому тщедушному Фомину. Трудно было поверить, что этот молчаливый, застенчивый Фомин зарубил топором кассира.

В камере от безделья и тоски Фомин затеял «научный спор» — привязал себе полотенцем под мышку куриное яйцо и ждал — вылупится цыплёнок или нет? Так, с яйцом, он и ел, и сидел, и спал уже девять дней.

Вся камера потешалась над ним.

— Фомян, а Фомян! — приставал Баркадзе. — Тэбэ уй как много надо кушать! Нэ то цыплёнок малокровный будет...

...Бабушкин старался не слушать разноголосый шум камеры. Перед закрытыми глазами вновь проплывали станции и полустанки, разбитые, в кол-

добинах, тракты, ночёвки в вонючих камерах — весь долгий путь этапа от Питера до Иркутска.

Ведь целый месяц — то пешком, то в арестантских вагонах — медленно двигался этапом по России. И вот он здесь — в семидесяти верстах от Иркутска, в Александровской пересыльной тюрьме.

В «пересылке» арестанты обычно не засиживаются. Прибудет этап вечером, переночует, иногда задержится на два-три дня, грязь соскоблит, починит ломотья — и дальше.

Но в Александровской «пересылке» порядки были особые, потому что здесь почти не было «временных жильцов». Тюрьма находилась вдали от центра, в глубине Сибири, этапы прибывали сюда редко, а прибудет, — обязательно задержится.

Здесь этап разбивали на партии. Сильных сортировали: кому назначено жить в Колымске — в одну камеру, кому в Якутске — в другую, в Верхоянске — в третью.

В камере № 18 Александровской «пересылки» вот уже три недели сидел Бабушкин: ждал, пока соберётся партия сосланных, как и он, в Верхоянск.

Задержка в «пересылке» даже радовала Бабушкина. Хотя отоспишься да в бане попаришься. И отёкшие, потёртые ноги отдохнут. Ведь впереди ещё далёкая, утомительная дорога до Якутска, а оттуда ещё целая тысяча вёрст до Верхоянска...

Одно только плохо: начальник корпуса был новый и пытался завести тут особые, строгие порядки, не как в обычных «пересылках». То ли начитался всякой литературы об «образцовых» немецких и американских тюрьмах, с их изматывающим нервы железным режимом, то ли отличиться, выслужиться хотел.

Высокий, с аккуратной треугольной бородкой и золотым пенсне на интеллигентном лице, «Сиктранзит» был всегда подтянут, и даже некрасивый мундир тюремного ведомства сидел на нём ловко и изящно. Он никогда не повышал голоса, был холоден и неизменно вежлив.

Но своими мелочными придирами, дотошностью доводил узников до белого каления. Особенно доставалось от

* Так уголовники называли политических заключённых.

него политическим. «Сиктранзит» ненавидел их, изводил холодно, расчётливо.

Бабушкин столкнулся с ним сразу, как только прибыл в Александровскую пересыльную. Заключённых стали распределять по камерам, не дав им вымыться в бане. А об этом мытье Бабушкин и его товарищи — запylённые, в пропотевшем, грязном белье — мечтали все последние дни.

Бабушкин заявил протест. И добился бани.

Так и пошло. Каждые два-три дня Бабушкин заявлял какую-нибудь новую жалобу начальнику корпуса.

И сейчас, лёжа на полу, под нарами, стараясь не слушать историю, которую под общий смех громко рассказывал Баркадзе, Бабушкин вспоминал своё вчерашнее столкновение с «Сиктранзитом».

Прошлой ночью, в темноте вдруг раздался крик. Кого-то били. Пока Бабушкин проснулся, пока разобрался в чём дело, нападающих и след простыл. Лишь на полу камеры лежал избитый политический Сахарнов.

А всё из-за шапки. Баркадзе приглянулась тёплая заячья шапка Сахарнова. И уголовник на глазах у всех попросту переложил её на свои нары. Это означало, что отныне она принадлежит ему.

Сахарнов, вспыхнув от возмущения, забрал свою шапку обратно. И вот ночью «неизвестные» избили его до потери сознания.

Вечные скандалы с уголовниками стали нестерпимы политическим. И вчера Бабушкин, посоветовавшись с товарищами, заявил начальнику корпуса «претензию»: политические требуют, чтобы их поместили отдельно от уголовников.

— Требуется? — переспросил «Сиктранзит». — Вы, вероятно, хотели сказать, «просите»?

— Требуем поместить нас отдельно от уголовников, — повторил Бабушкин.

— Я разберусь в вашей... просьбе, — вежливо сказал начальник корпуса.

Он добавил ещё что-то по-латыни и ушёл.

Бабушкин не знал латыни.

— О чём это он? — спросил он у од-

ного из политических, студента-медика.

— «Экс унгве леонэм», — повторил студент. — Это по-русски: «По когтям узнаю льва».

Это было вчера. А сегодня, после того как в камеру внесли бак с гороховым супом — «шрапнелью», как называли его в тюрьме, и староста, аккуратно сняв ложкой плавающих сверху зелёных гороховых червей, разлил похлебку по мискам, в камеру вошёл «Сиктранзит».

Заключённые встали. Начальник корпуса молча оглядел камеру, потом повернулся к Бабушкину:

— Я рассмотрел вашу просьбу...

— Требование, — поправил Бабушкин.

— Я рассмотрел вашу просьбу, — нажимая на слово «просьба», настойчиво повторил начальник. — И счёл возможным удовлетворить её. Политические будут переведены в отдельную камеру. Надеюсь, вы довольны? — усмехаясь, произнёс он.

Когда начальник ушёл, политические собрались вокруг Бабушкина.

— Что-то мне не нравится его ухмылочка, — хмуро сказал студент, показывая глазами на дверь, куда только что вышел «Сиктранзит». — Нет ли тут подвоха?

Бабушкина тоже удивило, что начальник корпуса на этот раз так легко и быстро согласился выполнить их требование. Но он промолчал.

После обеда пятерых политических перевели в камеру № 23.

В ней было шесть нар, а политических всего пять. При неимоверной тесноте, царившей в «пересылке», странно было, что им отвели такую большую камеру.

Под вечер к политическим опять заглянул начальник корпуса.

— Теперь-то, надеюсь, господа довольны? — заложив руку за борт мундира, спросил он, обращаясь ко всем, но глядя на Бабушкина.

Никто из заключённых не ответил.

— Однако пустую койку всё же придётся занять, — развёл руками «Сиктранзит». — Вынужден подселить к вам ещё одного жильца...

— Уголовника? — спросил Бабушкин.

— О нет, нет! Что вы?! — воскликнул начальник. — Политического! Так сказать, единоверца! Хе-хе! Будете довольны!..

«Сиктранзит» ушёл.

Теперь Бабушкин был уверен, что начальник корпуса что-то задумал. Но что?

Вскоре всё выяснилось.

Утром в камеру привели ещё одного заключённого: невысокого худенького старика.

— Примайте, — сказал надзиратель, здоровенный усатый мужик, бывший фельдфебель. — Тоже ваш брат — политик. Пять годков на поселении прожил. Не стерпел — убёг. Ан спымали. Ещё пять накинули...

Длинные волосы старика, растрёпанная борода и усы казались грязными из-за пробивающейся проседи. Маленькие глаза всё время вопросительно-виновато оглядывали окружающих.

Вёл он себя очень странно. Едва лишь надзиратель, оставив его в камере, захлопнул обитую железом дверь, старичок, часто-часто кивая головой и жалостно улыбаясь, забормотал:

— Здрасьте, здрастьте, здрастьте...

— Здравствуйте, папаша, — сказал Бабушкин. — Милости прошу к нашему шалашу, — и он указал рукой на табурет возле стола.

Но старичок, стоя возле двери, всё так же часто-часто кивал головой и, виновато улыбаясь, бормотал:

— Здрасьте, здрастьте, здрастьте...

Политические переглянулись:

«Пьян или болен?»

— Освободи-ка спальное место, — сказал Бабушкин студенту.

Тот быстро слез с нар.

— Отдохните, папаша, — предложил Бабушкин. — Прилягте...

Но старик словно не слышал. Он сел на табурет, положил голову на стол, вытянул губы, — и вдруг камеру наполнил негромкий, но жуткий вой.

Вой был такой заунывный, такая страшная тоска, отчаяние и затравленность слышались в нём, что окружающие похолодели.

Стоило на мгновение закрыть глаза, как сразу чудилось: ты один тёмной ночью в бескрайней зимней пустыне. А вокруг — голодные, осатаневшие волки...

Бабушкин содрогнулся, услышав этот вой. Он подошёл, пристально поглядел в глаза старику. Как ни странно, в них не отражалось ни ужаса, ни страдания. Блёклые, словно выцветшие, маленькие мутные глазки были безразличны и пусты. Но это-то и было ужаснее всего.

«Что делать?» — подумал Бабушкин.

Он не знал, что этот сумасшедший старик побывал уже во многих камерах. И везде заключённые избивали его до полусмерти, пытаясь отучить от этого ужасного воя. Но безуспешно.

...А в камере всё нарастал шум.

Студент-медик, стоя возле старика, пристально глядел ему в глаза и в краткие мгновения, когда старик прекращал выть, спрашивал у него, какое сегодня число, сколько месяцев в году, какого цвета снег?

Старик отвечал, в общем, правильно, но глаза его металась из стороны в сторону.

Это было и жалкое и страшное зрелище. Жалко было безумного старика, которому место в больнице, а не в тюрьме. Но ещё больше тревожился Бабушкин за товарищей. Старику, наверно, всё же легче, чем им: он хоть не чувствует ни унижения, ни обид. А каково здоровым сидеть с сумасшедшим?!

Заклучённые угрюмо переговаривались и, сдерживая раздражение, исподлобья поглядывали на нового соседа.

Бабушкин молча подошёл к нему, отвёл к нарам.

«Авось за ночь у него заскок пройдёт. Может, это вроде припадка?»

Утром камера проснулась рано. Старик ещё спал. Все говорили шёпотом, чтобы не разбудить его. Когда принесли завтрак, старик открыл глаза.

— Здрасьте, здрастьте, здрастьте... — приветливо бормотал он, обеими руками обхватив жестяную кружку с кипятком.

«Кажется, на этот раз обойдётся без «концерта», — облегчённо подумал Бабушкин.

Сделав несколько глотков, старик отставил кружку. Вся камера, затаив дыхание, следила за ним. «Неужели завоет?» Старик молчал.

Староста разложил по мискам тушёную капусту. Этой, прихваченной морозом, капусты тюремное начальство по дешёвке закупило целую гору. И теперь скармливало её заключённым и утром, и днём, и вечером.

Все стали есть. Никто не заметил, как старик исподтишка протянул свою грязную, с длинными ногтями руку к чужой тарелке, быстро схватил комок капусты и сунул её в рот. Потсм положил голову на стол и зарыл...

— Не могу! Хоть убей — не могу есть! — нервно воскликнул один из заключённых и выплеснул кипяток в угол. — С нутра воротит...

Бабушкин тоже, хоть и был голоден, чувствовал: кусок не лезет в горло.

В камере и без того было мрачно, а теперь некоторые заключённые совсем приуныли.

Первым не выдержал Сахарнов — молчаливый, замкнутый пожилой человек. Он теперь целые дни неподвижно лежал на нарах, отвернувшись к стене, покрытой клопиными пятнами, и молчал. Молчал, не отвечая на вопросы товарищей, глядя куда-то мимо безучастными, стеклянными глазами.

Бабушкин знал: тоска заразительна. В тесной, замкнутой камере она внезапно, словно эпидемия, охватывает всех, быстро передаваясь от «заболевшего» к здоровому. Тоска — это, пожалуй, самая опасная, самая страшная болезнь из всех, подстерегающих заключённого в тюрьме.

Бабушкин знал «лекарство» против тоски.

Надо поменьше думать о том, что на воле сейчас чудесный зимний денёк, по улицам весело мчатся извозничьи санки, везде оживление, суета: приближается Новый год.

И побольше «драться» с начальством. Использовать каждый повод для протеста, для борьбы. Только не падать духом.

...Вслед за Сахарновым постепенно «скасили» и другие заключённые.

«Что предпринять?» — думал Бабушкин.

Принесли обед.

Заключённые зашевелились, стали вставать, вытаскивать свои миски и ложки.

Сахарнов, получив свою порцию, уселся спиной к старику и стал есть. Но тут сумасшедший украдкой выхватил картофелину из его миски.

Молчаливый, вялый Сахарнов вдруг вскочил, швырнул миску на пол и, отплёвываясь, заорал:

— Убить гада!

Камеру внезапно охватил словно приступ бешенства. Измученные люди на мгновение лишились выдержки.

— Из-за него хоть с голоду подыхай!

— Кляп в рот! — кричали заключённые.

— Избить! — истерически вопил Сахарнов.

Бабушкин понял: ещё минута и старику не поздоровится.

— Стойте! — крикнул он.

Чтобы выиграть время, он подошёл к сумасшедшему, долго, пристально глядел на него. И вдруг решительно спросил:

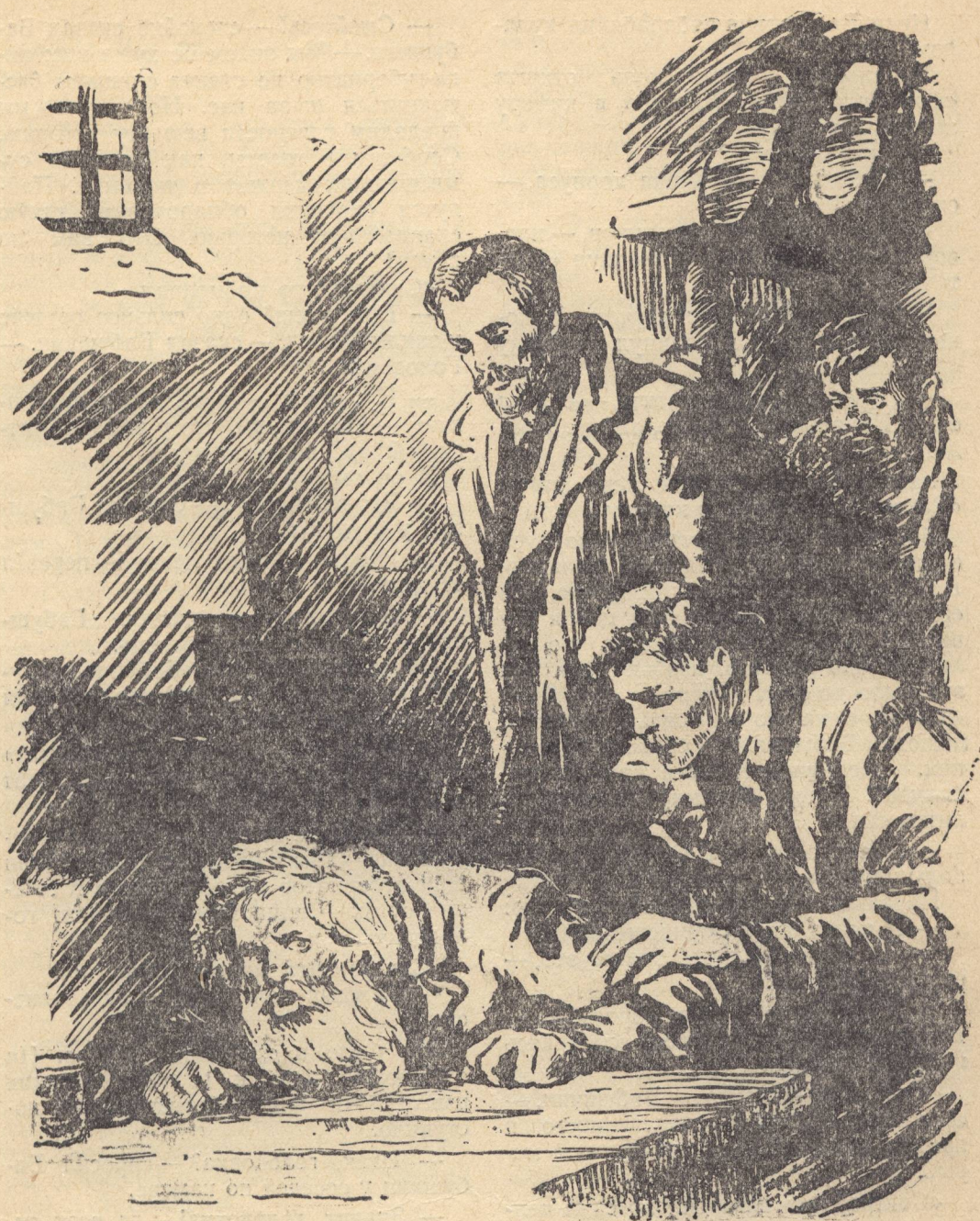
— Верёвка у кого-нибудь есть?

Верёвки не нашлось, но студент протянул ему ремень. Иван Васильевич стал стягивать этим ремнём руки старика за спиной.

— А что проку? — сказал студент. — Вить-то всё равно будет. Кляп в рот!..

— Нет, это уж слишком, — возразил Бабушкин. — Это ведь наш товарищ. Кто знает, сколько пришлось ему перетерпеть? И почему он потерял рассудок?..

Бабушкин затянул ремень.

— Извините, папаша, — сказал он. — Ничего не поделаешь...

Но старик не обижался. Он, казалось, и не чувствовал, что его связывают.

Бабушкин объявил товарищам свой план: потребуем, чтобы сумасшедшего забрали в госпиталь.

— Верно! — поддержал студент. — И нам лучше и старику. И вообще — не имеют права держать умалишённого в тюрьме. Обязаны лечить!...

Заключённые оживились, деловито обсуждали, что предпринять, если «Сиктранзит» откажется выполнить их требование.

Иван Васильевич забарабанил кулаком в дверь.

Коридорный надзиратель сткрыл «форточку», через которую в камеру передавали пищу.

— Чего буянишь?

— Вызовите начальника корпуса, — сказал Бабушкин.

— Много вас тут, указчиков, — проворчал надзиратель и захлопнул «форточку».

Бабушкин снова стал стучать. Наконец коридорный отодвинул створку «волчка».

— Перестань колошматить, — сказал он. — Начальнику уже доложено. Придёт...

...Но лишь на третий день утром «Сиктранзит» вошёл в камеру.

Бабушкин видел: начальник корпуса с удивлением глядел на сумасшедшего, вставшего, как и все заключённые, при его появлении. Старик был цел и невредим. А начальник полагал, что политические, конечно, избьют его, как это было во всех камерах.

— Ну-с, на что вы опять жалуетесь, господин Бабушкин? — спросил начальник. — Как видите, ваша просьба выполнена. Теперь в камере только политические...

— Уберите старика! Отправьте его в больницу для умалишённых!

Начальник сделал удивлённое лицо:

— А разве старик сумасшедший?

— Да. И вы отлично знаете это, — ответил Бабушкин.

— Я рассмотрю вашу просьбу... — «Сиктранзит» повернулся, собираясь выйти из камеры.

— Учтите, — сказал Бабушкин, — если вы не уберёте сумасшедшего, и притом немедленно, — мы примем меры...

«Сиктранзит» неторопливо снял пенсне и стал протирать стёкла кусочком замши.

— Вы, кажется, изволите угрожать мне? — насмешливо произнёс он. — Оригинально! А позвольте узнать: какие же «меры» вы предпримете?

— Пошлём жалобу вице-губернатору...

— Пошлите, пошлите! — съехидничал «Сиктранзит».

— Смейтесь! — спокойно сказал Бабушкин. — Мы знаем не хуже вас: вице-губернатор не станет слишком беспокоиться из-за нас. Но учтите, мы предадим гласности всю эту историю. Сообщим в газеты, как на Руси сумасшедших держат в тюрьмах. Найдутся охотники обнародовать такую скандальную историю. Это вам по вкусу?

«Сиктранзит» промолчал.

— Есть и ещё одно сильное оружие у заключённых, — сказал Бабушкин. — Голодовка...

— Ну, что ж, — произнёс «Сиктранзит» — Посмотрим, что у вас получится. «Финис коронат опус».

И он вышел из камеры.

— Что он сказал? — спросил Бабушкин у студента.

— «Конец венчает дело», — перевёл студент.

— Правильно, — сказал Бабушкин. — «Конец — делу венец».

На следующий день Бабушкин вручил начальнику корпуса жалобу для передачи вице-губернатору.

— Хорошо, — сказал «Сиктранзит» и, не читая, засунул бумагу за борт мундира.

— Обратите внимание, — сказал Бабушкин, — там в конце мы пишем: если вице-губернатор не даст ответа в течение суток — наша камера объявит голодовку...

«Сиктранзит» пожал плечами:

— Каждый делает, что ему нравится...

Это было в одиннадцать утра. На следующий день к 11 утра никаких известий от вице-губернатора не поступило.

— Итак, голодовка? — спросил Бабушкин у соседей по камере.

— Значит, голодовка! — за всех ответил студент.

— Учтите, товарищи, — предупредил Бабушкин. — Голодовка — штука серьёзная. Тут обратно хода нет. Взялся голодать — на том и стой. До конца... Пусть каждый обдумает... Хорошенько... Выдержит ли? Не отступит ли? Больным и пожилым советуя отказаться. Если кто не чувствует в себе достаточных сил, — тоже пусть лучше от-

кажется. Нет, нет, ответ не сразу. Через час...

Прошёл час.

Оказалось, в голодовке согласны участвовать все. Но Бабушкин настоял, чтобы пожилой, издёрганный Сахарнов не голодал.

— Придётся не есть шесть-семь, а может и девять-десять суток, — сказал Бабушкин Сахарнову. — Вы уже не молоды. Можете не выдержать. Да и за сумасшедшим нужен уход. А нам, голодающим, невтерпёж будет подносить ему суп и кашу...

На следующее утро началась голодовка.

Казалось бы, в тюрьме одна камера наглухо отделена от другой толстыми каменными стенами и железными запорами. И всё-таки в тот же день вся «пересылка» знала: «политики волят». «Сиктранзит» тоже сразу узнал о голодовке. Но он сделал вид, что это его не касается.

«Пусть поголодают, — подумал он. — Денька через два-три желудки наизнанку вывернет — шёлковыми станут»...

Прошёл первый день. За ним второй. Мучительное чувство голода становилось всё сильнее. Бабушкин за свою короткую жизнь уже трижды сидел в тюрьмах, но в голодовке не участвовал ни разу. Однако из рассказов более опытных товарищей он знал — через день сосущее, изматывающее ощущение голода притупится, станет не таким сильным.

— Советую всем лежать. Поменьше двигаться. Не разговаривать. Побольше спать, — сказал Бабушкин.

На третий день «Сиктранзит» подошёл к камере № 23. Молча постоял у закрытой двери, прислушиваясь. Из камеры доносился только тихий, зловещий вой сумасшедшего.

— Куда они девают еду? — спросил «Сиктранзит» у коридорного надзирателя.

— Так что, обратно вертают. На кухню, значит...

— Не братъ, — приказал «Сиктранзит». Не хотят есть — их дело. Но пища пусть остаётся у них в камере. Понял?

— Так точно. Чтобы пища, значит, оставалась в камере...

«Теперь они узнают, что такое Тан-

таловы муки»*, — подумал «Сиктранзит», довольный своей выдумкой.

Вскоре заключённым принесли обед. Сахарнов, как обычно, хотел отделить две порции — для себя и старика, а остальное вернуть, но надзиратель гаркнул:

— Это ещё что?! Бери, как положено, — весь бачок! — и захлопнул «форточку».

По камере пополз щекочущий ноздри, дразнящий запах. Это была обычная тюремная «баланда» и тушёная капуста. Но сейчас заключённым казалось, что эти давно уже осточертевшие им блюда пахнут удивительно ароматно и вкусно.

Голодные ворочались они на нарах, стараясь не вдыхать дурманящие запахи и не глядеть в угол возле двери, где стояли бачки и лежали четыре аппетитных ломтя хлеба.

Вдруг Бабушкин встал и подошёл к бачкам.

«Неужели?..» — насторожились товарищи.

Бабушкин молча взял бачок с капустой и вытряхнул его в парашу. Потом вылил туда же баланду, бросил куски хлеба и также молча вернулся на нары.

Под вечер «Сиктранзит» вызвал к себе надзирателя:

— Едят?

— Никак нет! Осмелюсь доложить — в парашу выбросили...

«Сиктранзит» задумался. Дело принимало неприятный оборот. В Иркутск уже просочились слухи о голодовке в тюрьме. Днём приезжал молоденький щеголеватый иркутский прокурор. Не заходя в канцелярию, он прошёл прямо в двадцать третью камеру и задал обычный вопрос:

— Всем довольны?

Но нынче при входе прокурора политические даже не встали с нар. Только сумасшедший старик молодцевато прокричал:

— Так точно! Всем довольны!

— Передайте вице-губернатору, —

* Царь Тантал (греч. миф.) был обречён богами на вечный голод и жажду, хотя стоял по горло в воде и возле его головы висели гроздь спелых плодов.

сказал Бабушкин, — мы требуем немедленного ответа на нашу жалобу. Мы требуем перевести умалишённого в госпиталь. Иначе голодовку не прекратим...

Прокурор потом спросил у «Сиктранзита»: где жалоба? Тот замялся. Он до сих пор не передал её вице-губернатору...

Это могло плохо кончиться. А вдруг, к тому же, кто-нибудь из голодающих умрёт?! «Политики» — народ хлипкий. Пойдут расследования, шум...

«И зачем я связался с ними?» — подумал «Сиктранзит».

Всё время, пока начальник корпуса размышлял, словно забыв о надзирате-

ле, тот молча стоял навытяжку. Наконец «Сиктранзит» повернулся к нему:

— Старика из двадцать третьей... Ну, того, который...

— Свихнулся? — подсказал надзиратель.

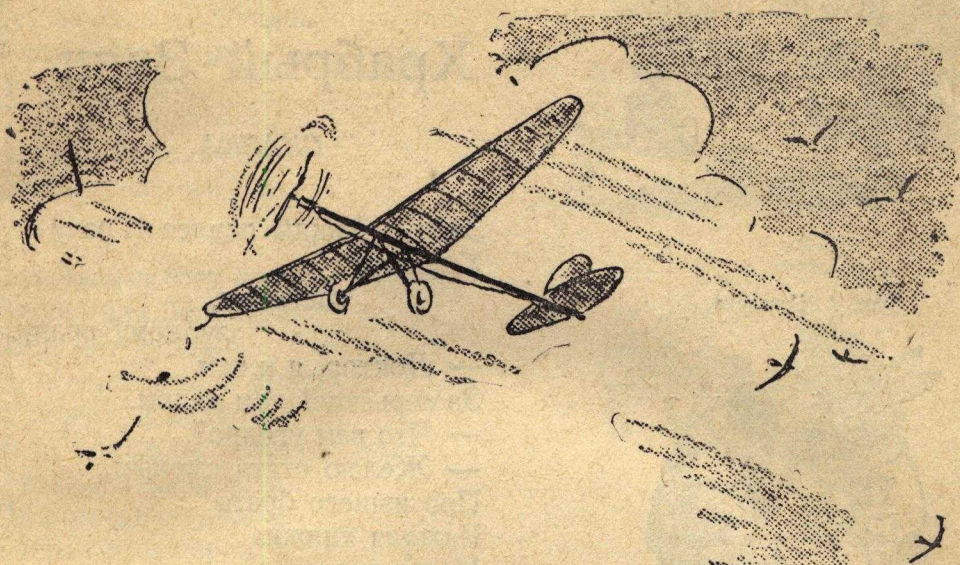
«Сиктранзит» поморщился. Он не любил такой прямолинейности.

— Старика перевести в госпиталь...

— Слушаюсь!

...Через два дня из ворот Александровской пересыльной тюрьмы вышла этапная партия. Среди других этапников был и Бабушкин. Путь его лежал на Якутск, а оттуда ещё дальше — в затерянный в снегах, неведомый Верхоянск.

М. Островский

Рис. А. Крутцова

ПОЛЁТ

Парнишка запустил свою модель
Из деревянных реек и бумаги,
И закивала ей вершиной ель
И замахали лагерные флаги.

Как будто бы поняв их дружный зов,
Она взметнулась в небо лёгкой птицей.
А снизу — звонкий гомон голосов,
Мальчишечьи восторженные лица.

Модель посадку сделала...

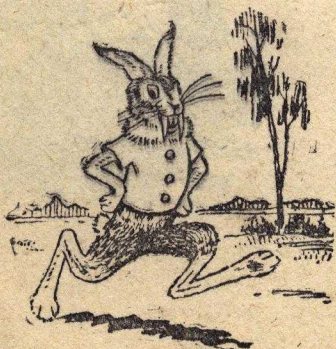
в овраг.

(Курносого «конструктора» вина ли?)
Кто знает? Может быть, когда-то так
Можайский или Чкалов начинали...

Рис. А. Илючека

Храбрый Заяц

СКАЗКА

Заяц однажды явился к Грачу —
Ушному,

глазному,
зубному, врачу.

— Доктор, я к вам
За серьёзнейшим делом.
— Что вам угодно?
— Желаю стать смелым.

Про нашего брата
Каждая книжка
Носит название —
«Зайчишка-трусишка»
Я к подвигам разным
Давно уж готов,
Но как же быть смелым
Без острых зубов?
Вставьте мне, доктор,
Зубы скорее,
Подлиннее да поострее.
Грач отвечает:
— Пожалуйста, можно.
При нашем умении
Это несложно.
Откройте пошире, пожалуйста,
рот.

Спокойно.
Не ёрзайте взад и вперёд.
Зубы вам вставим, приятель,
В два счёта...
Вот, полюбуйте́сь,
Какая работа!.. —
И зеркало
Зайцу придвинул с размаху.
Заяц взглянул —
И затрясся от страха:
Оттуда, из зеркала, —
Что за напасть! —
На зайца оскалилась
Львиная пасть.

Не зубы — клыки,
 Не клыки, а ножи!
 Тут хочешь не хочешь,
 А всё же дрожи.
 Потом ничего,
 Осмотрелся, привык
 И даже пытался
 Издать львиный рык.

* * *

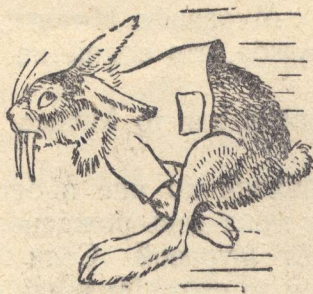
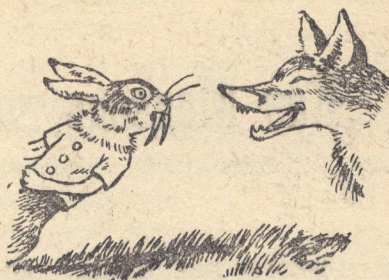
Вот Заяц гуляет полями, лесами,
 Порою для бодрости
 Щёлкнет зубами.
 И, может быть, в поле,
 А может, в лесу
 Заяц однажды встретил лису.
 Что было дальше —
 Он помнит с трудом.
 Сперва был овраг,
 А потом — бурелом,
 Речка.

И он изогнулся в дугу,
 Прыгнул —
 И сразу на том берегу.
 Залез на вершину
 Высокой сосны.
 Теперь даже волки
 Ему не страшны!..
 Тут могут сказать мне
 И Тани и Пети:
 — Такого ещё не бывало
 На свете.

У нас очень верные
 Сведения есть —
 Не может на дерево
 Заяц залезть!
 — Конечно, не может, —
 Скажу я в ответ. —
 Но если другого выхода нет?..

* * *

Вот Заяц сидит
 На высоком суку
 И слышит над ухом:
 — Приятель, ку-ку!
 Смотри: до сих пор ещё
 В воздухе пыль.
 Тебя не догнал бы и автомобиль!

Одно не пойму,
 Говоря между нами,
 Чего ты боялся
 С такими зубами?
 — Зубами? Ах, да!
 Хорошо, что спросил:
 В такую минуту
 Про них я забыл.
 Но больше, клянусь,
 Я бояться не буду,
 Если, конечно,
 Опять не забуду.

Как Медведь поссорился с Муравьём

СКАЗКА

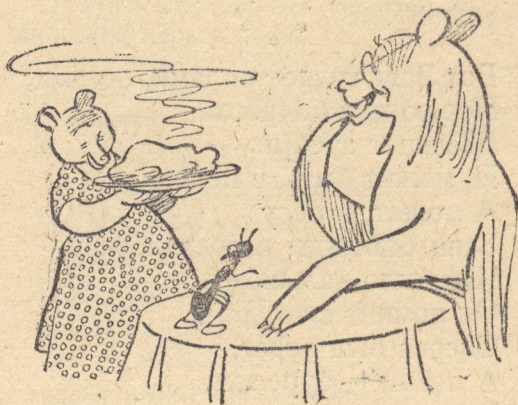
Много-много лет назад, когда все звери умели говорить, Медведь дружил с Муравьём. И такая у них была дружба, что водой не разольёшь.

Пригласил как-то Мишка друга в гости:

— Приходи ко мне в берлогу. Завтра у меня день рождения.

Пришёл Муравей. Сели они с Медведем за стол. Медведь сидит большой-большой, а Муравья из-за тарелки не видно. Медведица принесла им целого зажаренного барана. Мишка честно разделил барана пополам.

Ест Медведь свой кусок, чавкает от удовольствия. А Муравья и не слышно. Придавил Муравья кусок баранины к столу, того и гляди

раздавит. Еле-еле спасся, вылез, отдышаться не может.

— Чего не ешь? — спрашивает Медведь. — Или невкусно?

Муравей откусил раз, другой и сыт.

Медведица принесла две крынки мёду. Мишка пьёт мёд, от удовольствия урчит. А Муравей хлебнул раз, другой, лапы его завязли в меду, еле выбрался, чуть не утонул.

— Что мало пьёшь? — спрашивает Медведь. — Или не сладко?

— Спасибо! — отвечает Муравей. — Я дома росы с колокольчика напился.

Прошло немного времени. Муравей зовёт друга в гости:

— Приходи ко мне, Потапыч. Завтра у меня день рождения.

Пришёл Медведь к Муравью. Сидит Муравей за столом, на самом верху муравейника. Сел Медведь — стол раздавил, да и половину муравейника разрушил.

Подала Муравья жареного комара. Муравей честно разделил комара пополам. Сидит, грызёт комариную лапку, от удовольствия шевелит усами.

Взял Медведь свой кусок. Пока нёс до рта, подул ветер, комариная лапка и улетела.

Принесла Муравья росы с колокольчика. Муравью — крынку, Михаилу Потапычу — целое муравьиное ведро.

Муравей пьёт, хвалит... Медведь подцепил когтём ведро. Хотел росы с колокольчика отведать. Пока нёс до рта, подул ветер, вся роса попала Медведю в нос.

— Апчихи! — чихнул Медведь. Муравья за десять берёз унесло. Смотрит Медведь — нет хозяина. Заревел он от обиды. Думает, Муравей ему от жадности не даёт полбарана. Стал он лапами разгре-

бать муравейник, чтобы добраться до муравьиной кладовой. А в нижних этажах муравьи-рабочие бегают, волнуются, проломы в стенах палочками закладывают, потолки травинками подпирают, чтобы не обвалились.

Заревел Медведь ещё громче. Думает, что муравьи от него барана прячут. Зацепил он полную лапу муравьёв — и в рот.

Так и разорил весь муравейник, а барана не нашёл.

С тех пор перестали дружить Мишка-медведь и Муравей.

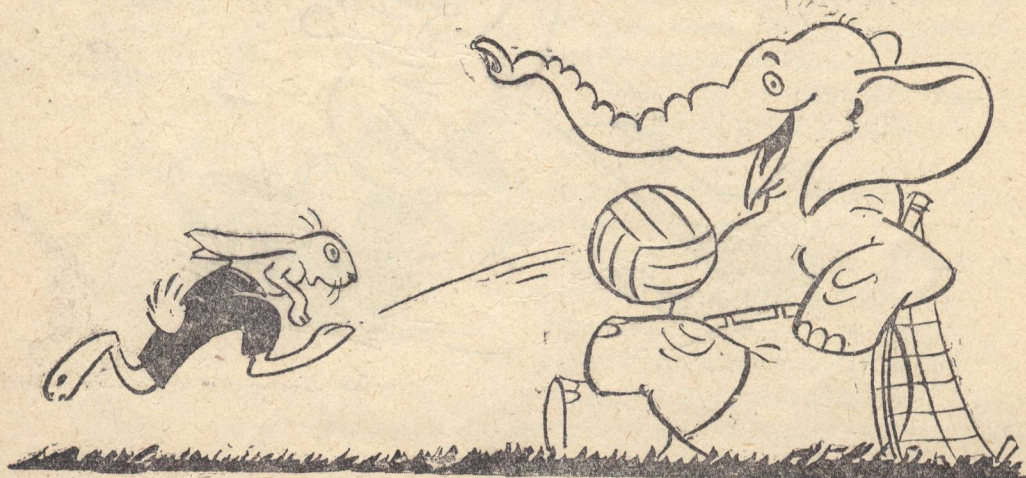
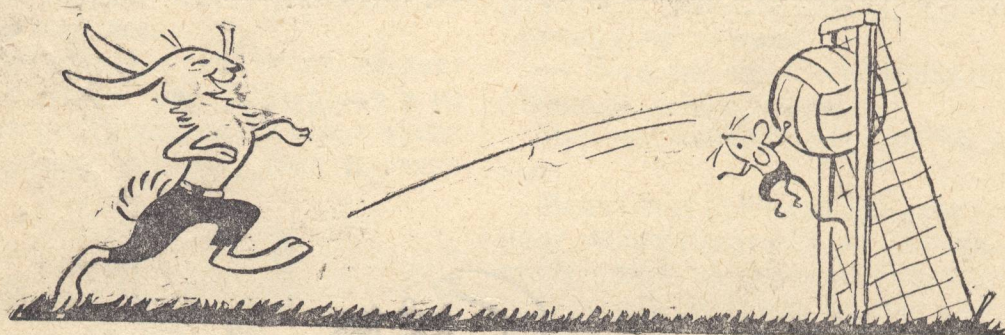
Спросите у охотника, и он вам скажет, что если в лесу много развороченных муравейников, значит, поблизости живёт медведь. Косолапый и по сей день всё ходит к Муравью, ищет, где он спрятал жареного барана.

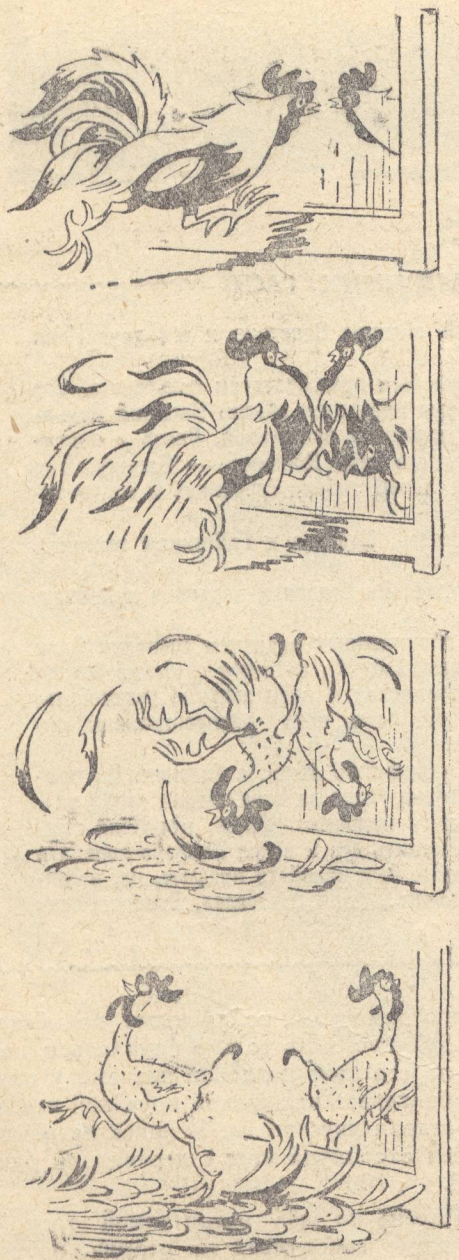
ПРОКАЗНИЦА ЛЯГУШКА

ЗАМЕНИЛИ ВРАТАРЯ

Драчливый петух и зеркало

Как из слона муху сделали

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

Во время фашистской оккупации Брестской области Володька и его друг Коля Гайшик собирали брошенное оружие.

Отец Коли, Василий Демьянович, до войны был председателем сельсовета. Его выдал односельчанин Козич. У Гайшиков фашисты произвели обыски. Василия Демьяновича арестовали и зверски избили. Домой он вернулся полуживой. Связь с партизанами поддерживалась через девочку из соседнего села Яблонки — Еленку. Она ночью проводила к Гайшикам партизана Сергея, который забрал собранное и сохранённое Володькой и Колей оружие.

Наступила зима. Немцы в селе не появлялись. Изредка к Гайшикам заходили незнакомые люди. Это были партизаны.

Козич жил в Ивацевичах в постоянном страхе. Он боялся и партизан и немцев, которым прислуживал.

В конце января в Ивацевичи прибыл со специальным заданием господин Эрих Вайнер. Козича вызвали в комендатуру. Комендант Штумм, которого особенно боялся Козич, и Вайнер стали расспрашивать его о партизанах и дали задание установить, где они находятся, как получают продовольствие, через кого распространяют листовки.

Однажды на улице Козич встретил Колю, тащившего санки с бидоном. Он привёл его к себе домой обогреться и закусить. Усадив Колю за стол, Козич завёл разговор о партизанах, но ничего не смог выведать у мальчика. Узнав, что Коля привёз в бидоне молоко для продажи, Козич решил купить его и велел Варваре перелить молоко. Переливая, Варвара заметила, что в молоке был какой-то предмет, но, взглянув на побледневшее лицо Коли, ничего не сказала... Коля повеселел. Вскоре Козич ушёл.

В разведку

ВТО зимнее утро, когда Коля Гайшик появился в Ивацевичах с бидоном молока, четверо мужчин шли за снеженной лесной тропой из посёлка Житлин на юг.

Первым шагал парень в домашнем стёганом ватнике, треухе с облезлым заячьим мехом и в валенках с коричневыми кожаными задниками и необычно

венно толстыми войлочными подмётками. Можно было только удивляться, как он передвигает ноги! За плечами у парня болталась на толстой кручёной верёвке старая двустволка. У пояса на ремне висел охотничий нож с деревянной ручкой.

Парень то шёл натопанной тропой, то вдруг сворачивал на целину, проваливаясь в глубокий снег, и двигался между деревьями, высоко подымая, будто выдёргивая из снега, ноги и тяжело дыша

Продолжение. Начало см. №№ 2—3, 4, 5, 6.

Следом за ним шёл товарищ Мартын в овчинном полушубке, в кожаной, с серым каракулем, шапке и в светлых бурках. К ворсу бурок прилипли катышки снега, и бурки казались обшитыми бисером. Такой же бисер висел и на усах товарища Мартына, и от этого обветренное лицо его казалось ещё более тёмным.

За Мартыном шёл Алексей в зелёной немецкой шинели и неизменных комсоставских сапогах. На голове его красовалось что-то вроде падахи с обвислой

ничи высокие сапоги, с которыми он не хотел расстаться так же, как и Алексей со своими комсоставскими. Отвороты сапог были подняты. Огненные волосы Сергея покрывала всё та же рыжая, выдавшая виды кепочка. Только сейчас к ней были пришиты чёрные наушники.

Все четверо шли молча. Лишь Сергей изредка приглушённо чертыхался, когда приходилось сворачивать на целину, хотя ему было гораздо легче, чем идущим впереди.

Собственно, и чертыхался-то Сергей не из-за трудности пути, а потому, что был недоволен собой.

Товарищ Мартын, член бюро подпольного Обкома партии любил точность, сам был точен и аккуратен. Несмотря на огромную организационную работу, которую он вёл в своём районе, на сотни вопросов, которые требовали немедленного решения, он не забывал ни одной мелочи, ни одного человека. Он появлялся точно в назначенный срок в назначенном месте. И от других требовал такой же аккуратности.

Вчера вечером Алексей и Сергей должны были встретиться с товарищем Марты-

мохнатой овчиной. Такие можно увидеть только у горных чабанов из кинофильмов. Шапку эту Алексей сшил себе сам и очень гордился ею.

Замыкающим был Сергей, одетый в тёплую суконную куртку с коричневым цигейковым воротником и охот-

ном в Житлине. Вышли из партизанского лагеря сразу после полудня, должны были, по их расчётам, попасть на место встречи первыми и там поджидать товарища Мартына. А получилось наоборот. Товарищ Мартын прождал их полночи. А они в это время петляли лесом, проваливаясь по пояс в снежные сугробы. Попросту говоря — заблудились.

А когда под утро, да и то случайно, наткнулись на Житлин и отыскивали нужную избу, товарищ Мартын, расспросив их, ядовито заметил:

— В трёх соснах заплутались? И воевать так будем? С прохладцей.

Алексей обиделся:

— Зачем же вы так, товарищ Мартын! Мы ведь в чужом лесу. Я у себя бы на родине с закрытыми глазами дорогу нашёл.

Товарищ Мартын сердито сдвинул брови:

— Лес вам не чужой... Не первый день живёте. Пора бы знать. А нет — проводника возьмите. Ванюша! — позвал он.

Из тёмного угла появился парень в заячьем треухе.

— Вот, знакомьтесь: Ванюша. Ещё осенью в отряд просился, да больно парень тихий. Думал, здесь, в Житлине, попридержаться, присмотреться. А он, видишь, набедокурил. Вёз откуда-то сено домой на саних, а навстречу — два немца. — «Слезай, — говорят, — нам в другую сторону ехать». «Не слезу», — говорит. А они его с саней тащат. Ну, он и

рассердился. Вытащил из сена двустволку, да в упор как пальнёт!.. — Товарищ Мартын засмеялся: — Верно рассказываю?

Ванюша переступил с ноги на ногу и опустил глаза.

— Вот я ещё забыл спросить, Ванюша, какой дробью у тебя двустволка была заряжена. Бекасинником?

Парень застенчиво улыбнулся:

— У меня не дробь... Шматочки такие были. Сам делал.

— Шматочки?.. И хорошие?..

— Ничего себе. На волков.

Все засмеялись.

— А зачем ты двустволку с собой брал? — снова спросил товарищ Мартын.

Ванюша смутился окончательно:

— Так... На всякую случайность...

— Да-а... — сказал, смеясь, товарищ Мартын. — Набедокурил ты, Ванюша. — Он похлопал парня по плечу. — Немцы-то живы?

— Не знаю. Я зараз утёк...

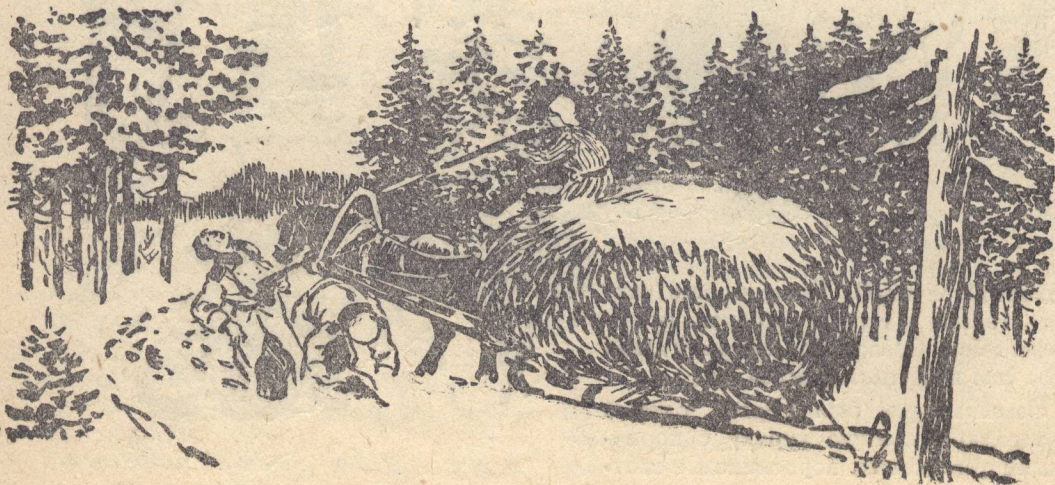
— «Утёк», — передразнил товарищ Мартын. — Ты бы хоть автоматы у них поотбирал.

— Так ведь их двое, а мне сколько времени надо, чтобы дробовик перезарядить. Ну, я и утёк.

Товарищ Мартын вздохнул:

— Трудно нам с дробовиками-то против их техники.

— Оружие надо добыть, — вставил Сергей.

— Вот и добудь.
— И добуду. — В голосе Сергея прозвучали резкие нотки.
Товарищ Мартын усмехнулся.
— Вот и добудь, — повторил он. — Мы тебе спасибо скажем.

Сергей почувствовал, что не очень-то верит ему товарищ Мартын, и покраснел. А потом подумал: «А чего я такого сделал, чтобы мне такой человек верил? Хлеб ел да в лесу плутал...»

— Так вот, — сказал товарищ Мартын, — прикомандирую тебя, Ванюша, к товарищам командирам в качестве проводника. В лесу не заплутаешься?

Ванюша улыбнулся:

— Что вы!..

— Вот и хорошо. Заряжай своё оружие шматочками — и в путь.

На рассвете они вчетвером вышли из деревни и направились напрямик через лес к партизанскому лагерю.

Сергей дорогой вспоминал короткий разговор про оружие и чертыхался, потому что был недоволен собой. Расхвастался: «Добуду!» Как будто так просто добыть оружие. Стоит только потереть старую медную лампу Аладина, потребовать оружие, тотчас явятся перед тобой новенькие автоматы с запасными дисками, бронебойные ружья, пулемёты. Нет у него такой лампы. А оружие нужно позарез. Даже сейчас, в небольшом зимнем лагере, где и сотни партизан не наберётся, — на троих одна винтовка. А то и просто дробовичок. Вроде Ванюшиного.

А товарищ Мартын сказал, что с весной начнут прибывать в отряд новые люди. Их будет много, и всех надо вооружить.

Нет, пусть товарищ Мартын не думает, что он, Сергей, хвастун. Он ничего не пожалеет, чтобы раздобыть оружие. И пусть не думает, что он пойдёт на риск только для того, чтобы его не считали хвастуном. Просто он понимает, что без оружия врага не разгромишь. И всё.

Ванюша вывел их на знакомую тропу возле лагеря.

— Стой! Кто идёт? — окликнули их из-за заснеженных елей.

— Свои, — громко ответил Алексей.

На тропу вышел старик в большой, не по росту, шубе.

— Не признал? — спросил Алексей.

— Признал, товарищ командир, — старик кашлянул. — Это я для порядку окликнул. По дисциплине!

— Правильно делаешь, Григорий Степанович, — сказал товарищ Мартын, подходя к старику. — Здравствуй!

— Мартын!

— Я.

— Ты вроде помолодел. Тебя сразу и не признаешь. Ишь, шкура-то на лице, ровно дублёная. Видать, в твоём секретарском кабинете день и ночь зимний сквознячок гуляет.

— Гуляет, — засмеялся товарищ Мартын.

— Чай, к тебе теперь без стука можно? И секретарша не задержит.

Мартын прищурился. По лицу побежали весёлые хитроватые морщинки.

— Это смотря кто и по какому делу. Ежели ты насчёт снижения плана сева по твоему колхозу придёшь, ветром из моего кабинета сдует.

— Не забыл? — сдвинул брови Григорий Степанович.

— Не забыл. И не забуду... Отвоюем. Победим. Придёшь ко мне плакаться — не пушу.

— Не-е, плакаться я не приду. Я тоже кой-чего в людях понимаю. С таким народом всю планету можно перепахать. Без передыху.

— Придёт время — перепашем, — серьёзно сказал товарищ Мартын. — Сменишься — приходи, потолкуем о жизни.

— Приду, — кивнул старик и снова исчез за елями.

Товарищ Мартын шёл по лагерю, внимательно посматривая по сторонам, подмечая каждую мелочь. Рядом с ним шагала командир отряда Алексей, быстро, так, чтобы не заметил Мартын, поглядывая в ту же сторону, куда и он. Явно хотелось командиру, чтобы секретарю понравился лагерь.

Они шли по центральной «улице». Справа и слева, на равных расстояниях друг от друга, скрытые под разлапистыми елями, виднелись землянки. Они были укрыты голубоватым снежным покровом и издали и сверху казались большими сугробами. Только железные трубы, похожие на самоварные, выдавали их, да возле труб снег был в желтоватых подтаявших пятнах. Сейчас, днём, трубы не дымили. Печи разрешалось топить только с наступлением темноты, чтобы дымом не выдавать месторасположения лагеря. Постоянные дежурные наблюдали за небом. Стоило появиться над лесом вражескому самолёту, тотчас раздавался звонкий на морозе голос:

— Воздух!

И все в лагере замирали на местах. Ни одно движение не должно было выдать лагерь врагу. Полная, предельная маскировка — первый закон партизанского лагеря. Он соблюдался свято, и ни для кого не было исключения.

В одной из землянок совсем по-мирному заливалась гармонь. Звонкий девичий голос выводил одну за другой частушки. Голос был весёлый, а частушки грустные:

Я не знала, что на ёлочке
Иголочки растут.
Я не знала, что милёночку
Винтовочку дадут.

Товарищ Мартын остановился и слушал, чуть склонив голову набок.

Я не думала с милёночком
Разлуку получить,
Но проклятая Германия
Сумела разлучить.

Мартын нахмурился. Алексей, подметив перемену в лице Мартына, сердито буркнул:

— Санчасть называется...

И пошёл к землянке.

Мартын остановил его, тронув за рукав.

Ты, германец, ты, германец,
Разлучил с залёткой.
Его взяли на войну,
Осталась я сироточкой!

Алексей остановился и с недоумением смотрел на товарища Мартына. А девичий голос всё выводил задорно, вторя переборам гармошки:

Не судите вы меня
За весёлость за мою:
Я не с радости танцую,
Не от радости пою.

— Эх, ведь как, — вдруг, вздохнув, сказал товарищ Мартын и взглянул на Алексея. — Санчасть, говоришь? А ну, зайдём.

Они спустились по ступенькам вниз, открыли тяжко скрипнувшую дверь и вошли в землянку. Здесь царил полумрак, только сквозь маленькое оконце пробивался тусклый свет. Музыка оборвалась. Кто-то в землянке зашевелился, но кто — сразу было не разобрать: уж очень резким был переход от сверкающего снега к сумраку землянки.

С минуту стояли молча. Потом, когда глаза привыкли, товарищ Мартын заметил двух девушек и парня с гармошкой. Парень был в расстёгнутом городском пальто, под которым виднелся замысловатый пёстрый галстук. На голове — лихо заломлена светлая фетровая шляпа. Лицо у него было молодое, чуть заросшее светлым пушком.

Обе девушки были в ватниках и серых платках. Одежда делала их похожими, несмотря на то, что одна была худенькая и черноглазая, а другая светлоглазая и круглолицая.

— Здравствуйте, товарищи, — поздоровался Мартын.

Девушки и парень ответили.

— Здесь, стало быть, санчасть?

— Так точно! Медико-санитарная служба. Лазарет, — бойко ответил парень и при этом гармонь в его руках то-ненько пискнула.

— А ты, что ж, Петрусь, заболел? — грозно спросил Алексей.

— Здоров, — сказал гармонист и притворно плюнул. — Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

Девушки, с трудом сдерживая смех, хихикнули.

— А вы здесь — хозяйки? — спросил Мартын.

— Наша медицина, — буркнул Алексей. — Это вот, — он кивнул на черноглазую, — Наталья Захаренко, почти фельдшер. Правда, ветеринарный. А Вера назначена санитаркой. Специального образования не имеет, но девушка смышлёная.

Алексей обернулся к Петрусье:

— Ты чего здесь околачиваешься, раз здоров?

— Греемся. Так сказать, художественная самодеятельность. Очень даже приличный вид развлечения.

— Смотри-ка, и «гаврилку» нацепил! — усмехнулся Алексей. Он не знал — сердиться ему на Петрусью или не сердиться. В конце-концов больных в санчасти нет...

— Элемент культуры, — сказал Петрусь и погладил галстук. — Я в этом галстуке на областном смотре народных талантов выступал. — Петрусь вздохнул. — В Москву бы поехал, если бы не

война. Я так думаю, что человек должен сохранить своё обличье в любых условиях, тем более, что он в силу своего таланта у девушек на виду.

Петрусь засмеялся. Засмеялся и товарищ Мартын. Прыснули девушки, стараясь спрятаться друг за друга. Еле сдержал улыбку Алексей: командир всё-таки.

Товарищ Мартын присел на нары возле железной печурки.

— А чего это частушки у вас такие грустные? Другие можете?

— Можем, — ответила Вера.

— А ну-ка!

Девушки пошептались. Потом Вера кивнула гармонисту. На лице у Петрусьи появилось выражение равнодушия, оно будто окаменело. Он склонил голову направо, беззвучно потрогал лады гармони, замер на мгновение и вдруг растянул меха. Пальцы стремительно побежали по ладам, и в землянке стало тесно от широких, замысловатых переборов, наполнивших её всю — от крошечного оконца до железной печурки.

Девушки прислушались и дружно запели:

Мчится Гитлер из России,
Зло на всех ругается.
Посмотреть хотел Москву он,
А Москва кусается.

Ой, на улице туман,
Полное затмение.
Глянул Гитлер на Москву
И лишился зрения.

Партизанские отряды
Бьют фашистов из засады.
Ни дороги, ни пути,
Ни проехать, ни пройти.

Хороша наша гармошка,
Золотые голоса.
Немцы нос бояться сунуть
В партизанские леса.

А пока девушки пели, оставшиеся возле землянки Сергей и Ванюша настороженно приглядывались друг к другу.

Сергей прищурил глаза и подозрительно спросил:

— А ты, парень, собственно, откуда дорогу в наш лагерь знаешь?..

— Знаю... — уклончиво ответил Ванюша.

— Бывал здесь?

— Не был.

— А откуда ж всё-таки знаешь?

Ванюша только пожал плечами.

— Та-ак, — протянул Сергей, — ты, что же, всегда такой разговорчивый?

Ванюша промолчал.

Из землянки донеслось:

У моста большой дороги
Был немецкий часовой,
А теперь остались ноги
Да прическа с головой.

— Слушай, парень, ты все здешние места также знаешь?

Ванюша кивнул. Сергей посмотрел на него в упор, пристально и испытующе, потом спросил:

— Пойдёшь со мной?

— Куда?

— В разведку. Оружие добывать.

Парень ответил не сразу. Посмотрел зачем-то на вершины елей, пошмыгал носом.

— Ну? — нетерпеливо спросил Сергей. — Пойдём вдвоём?

Мой милёночек хороший
Некрасив, зато богат!
Носит валенки, калоши,
Пистолет и автомат.

Сергей подмигнул Ванюше и улыбнулся.

Партизан такой хороший,
Партизан такой атлёт:
На боку несёт гранаты,
За плечами пулемёт.

— Слышал? Вот как про нас поют, а у нас дробовичок! Исправиться надо. Понятно?

— Понятно, — сказал Ванюша и улыбнулся.

Вечером товарищ Мартын и Алексей разрешили Сергею и Ванюше идти в разведку.

Разведчики улеглись рядом на нарах, возле изрядно раскалившейся печки. Было приятно лежать вот так, без курток и шапок, разувшись. Жар, идущий от печки, размаривал, клонило ко сну.

— Ты дисциплину умеешь соблюдать? — спросил Сергей шёпотом, чтобы не тревожить сон соседей.

— Не знаю.

— Вот, если тебе приказано стоять на месте и не двигаться, что бы ни случилось, пока я тебе условного знака не дам. Что будешь делать?

— Стоять...

— Молодец! А ежели на меня фрицы нападут?

— Подмогну.

— Без сигнала?

— Так ведь нападают же!

— А, что ж, я, по-твоему, сам не вижу, что нападают? Ты себе стой и жди сигнала. Может, я нарочно так сделал, чтоб они на меня напали. Я, может, и вид делаю, что их не замечаю. Пусть подойдут поближе. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, вот. Тут, брат, не понять, тут вникнуть надо. Нутром.

— Я вникаю.

— Ну, то-то.. На лыжах ходишь?

— Приходилось.

— Спать давай. Чуть свет выйдем.

Сергей умолк и закрыл глаза. Через несколько минут снова открыл их.

— Спишь?

— Нет.

— Спи давай. Нечего болтать.

— Я не болтаю.

— Что ж, я, по-твоему, болтаю?

Сергей снова умолк и закрыл глаза. На крайних нарах, возле окошка, поднялась голова Петруся — гармониста.

— Серёга, не спишь?

— Засыпаю.

— Слышь, Серёга, ты в Яблонке, ча-сом, не будешь?

— Может, и буду.

— Загляни к моей сеструхе.

— К Еленке, что ль?

— А-га... Там ноты мои. Прихвати, пожалуйста.

— Это зачем? — удивился Сергей.

— Товарищ Мартын велел концерт готовить. Сольный. Чуешь?

— Концерт в двух отделениях, с прологом и эпилогом, — мечтательно произнёс Петрусь. — Народный артист-партизан Петрусь Борисевич в собственном репертуаре.

— Спи, говорю.

— Прихватишь ноты?

— Прихвачу при случае.

— Всё. Сплю.

* * *

Было ещё темно, когда Сергей и Ванюша покинули лагерь. Они шли на лыжах прямо по целине. Впереди — Ванюша с двустолкой за плечами, следом — Сергей. В кармане его куртки лежал Колин пистолет с двумя патронами.

Было тихо, безветренно, только чуть поскрипывал под лыжами снег..

Свёрток

Козич ушёл, а Коля остался сидеть на лавке.

Варвара не торопясь убрала посуду, протёрла тряпкой светлые, недавно выскобленные доски стола, достала из корзины, стоящей в углу, какие-то цветные лоскутки, села и начала шить.

Коля смотрел на её проворные руки и молчал.

Молчала и Варвара, только изредка уголком глаза взглядывая на незваного гостя. Она подметила его тревогу, когда переливала молоко в новый бидон, видела, как в молоке что-то мелькнуло. И теперь, привычно двигая иглой, думала: что бы это могло быть, почему так заволновался мальчишка и так упорно не хотел продать Козичу молоко и сменить старый, потемневший и примятый бидон на совсем новенький?

Молчали ребяташки, свесив головы с печки, и во все глаза глядели на Колю. Даже недавно кричавший в корзине малыш притих.

А Коля не замечал тишины и даже не чувствовал неловкости от того, что сидит он в чужом доме, с чужими людьми. В другое время он бы почувствовал эту неловкость и ушёл бы, но сейчас все его мысли, всё внимание сосредоточилось на бидоне с молоком. Может, вернуть деньги, перелить молоко назад в старый бидон, сказать, что раздумал продавать? Эта тётка, наверно, удивится: так выгодно продал и вдруг раздумал! Ещё заподозрит неладное... У неё Козич

живёт... Нет, Это не годится... И потом пусть оно пропадёт, молоко... Не в нём дело... Ишь, как поглядывает искоса, думает — не замечаю. Как же всё-таки поступить? Что предпринять? Надо действовать и немедленно. Вернётся Козич, тогда всё пропало!..

— Как тебя звать? — неожиданно спросила Варвара.

— Коля.

— Ты чей же?

— Гайшиков.

— Василия сын?

Коля кивнул.

Варвара снова молча склонилась над шитьём.

Коля посмотрел на неё, на ребяташек и только теперь ощутил неловкость наступившей тишины. Через минуту, не выдержав, он кашлянул и спросил хрипловато:

— А вас как звать, тётенька?

— Варварой, — она положила шитьё на колени и выжидающе посмотрела на Колю.

Коля повёл плечами и, понимая, что молчать дольше нельзя, решительно сказал:

— Молоко в хате прокиснет...

Варвара глядела всё так же выжидающе...

— Я вынесу в сени?

— Вынеси, — сказала Варвара.

Коля встал и направился к бидону. Варвара отложила шитьё, подошла к печке и достала из-за неё шумовку:

— На-ка вот...

Коля понял: тётка знает, что в бидоне что-то есть. Он облизнул вдруг ставшие сухими губы:

— А... зачем?..

— Пригодится, не руками же в молоке шарить, — она сунула Коле в руку шумовку и взялась за ручку бидона. — Тащи.

Коля поднял бидон за другую ручку, и они вышли в сени.

Варвара поставила бидон на пол и, не говоря ни слова, вернулась в комнату,

оставив в дверях большую щель, чтобы в сени проникал свет.

Всё это было так неожиданно для Коли, что он растерялся. Безусловно, тётка видела в бидоне свёрток. Теперь уж не отвертеться. Теперь всё пропало. И не убежишь — полушубок и шапка в комнате.

Неприятно засосало под ложечкой, ослабели ноги. Коля присел возле бидона на корточках. «Вот попался, так попался!.. Тётка, наверно, сейчас пойдёт звать немцев... Эх, был бы пистолет, припугнул бы её...»

Коля пошарил вокруг себя руками, ища что-нибудь, что могло бы заменить пистолет... Верёвки какие-то, вязанка дров, ведро. Пальцы наткнулись на деревянную рукоятку, ощупали её... Топор!.. Топор — это уже оружие... Коля потянул его к себе. Потом встал, открыл крышку бидона и торопливо начал шарить в молоке шумовкой. Нашупав свёрток, подцепил его и, сунув вторую руку в горлышко бидона, вытащил его и сунул под рубаху. Свёрток был холодным и мокрым, но Коля даже не поморщился. Он весь дрожал от охватившего его волнения. Наклонился, взял топор, отвёл руку с ним за спину и, снова облизнув сухие губы, вошёл в комнату.

Варвара качала корзину с малышом. Когда он вошёл, она обернулась, увидела у него за спиной топор.

— Ты что?

— Ничего...

Варвара всё поняла. Она подошла к Коле, улыбнулась печально:

— Ты не бойся... Я никому не скажу... Я понимаю... У меня муж с ними воюет, с извергами... — Она тихонько отобрала у Коли топор, отнесла в сени и вернулась. — Одевайся-ка, пока он не пришёл.

Коля схватил шапку и полушубок и стал торопливо одеваться... Варвара сунула ему в карман кусок хлеба и сало.

— Не надо, тётенька Варвара.

— Бери, бери... Проголодаешься ещё.

Коля оделся и, застёгивая на ходу полушубок, выскочил в сени, прихватив свой бидон. У дверей на улицу он остановился, подумал секунду и вернулся в комнату.

Варвара стояла у стола и смотрела на него. Он быстро подошёл к ней:

— Вы не сердитесь, тётя Варвара, за топор...

— Я не сержусь.

— Спасибо вам.

— Ты приходи, Коля. Когда хочешь, приходи. Я помогу... Чай, мы советские, — шёпотом сказала она. — А Козича берегись. Гад он!

— Я знаю, — также шёпотом ответил Коля.

Варвара вдруг взяла его голову обеими руками, наклонилась и поцеловала в лоб.

— До свиданья, тётя Варвара.

Он выскочил в сени, поставил бидон на санки и выволок их на улицу.

Ветер стих. Большие хлопья снега кружились в воздухе.

Коля свернул в переулочек. Остановился и, натянув на бидон мешковину, привязал его к саням. Потом, оглядевшись по сторонам, потащил санки по переулку.

Попетляв по улицам и убедившись, что за ним никто не следит, он подошёл к покосившемуся забору, открыл калитку и втянул санки во двор. За забором протоптанная дорожка вела к дверям избы. Коля подошёл и постучал.

Дверь открыла маленькая сухонькая старушка, укутанная чуть не до пят в серый платок.

— Тебе кого?

— Молока не надо?

— Почём продаёшь?

— Я не продаю, меняю.

— На что меняешь, касатик?

— На муку.

— Тебе аржаной?

— Мамка крупчатки добыть велела.

— Ну, заходи, касатик, потолкуем. Может, и сторгуемся. Не на дворе же стоять!

Коля втащил санки в сени. Старушка заперла дверь и ввела его в комнату.

— Ну, давай молоко, касатик.

— Вас как звать?

— Тётя Катя.

— Тогда всё правильно. А молока уже нету. Продал.

Старушка посмотрела на него удивлённо. Коля расстегнул полушубок, достал из-под рубахи тёплый, ещё влажный свёрток и протянул его тётке Кате. — Вот. Велено передать.

Тётя Катя взяла свёрток.

— Не промок?

— Не знаю.

Она положила свёрток на стол и начала разворачивать. По столу потянулась длинная лента прорезиненной тка-

ни. Потом появилась пергаментная бумага. В неё было завернуто около сотни листов. На одной стороне каждого листка было напечатано: «Приходный кассовый ордер №...» и ещё что-то, а на другой — бледно, на пишущей машинке: «От Советского Информбюро». Коля понял, что это — листовки.

— Сухие, — сказала тётя Катя. — Молодец! Сейчас я тебя покормлю.

— Я сыт, — отказался Коля и рассказал тёте Кате, как Козич затащил его к себе в хату.

— Значит, тебя Козич накормил, — засмеялась тётя Катя, потом лицо её стало серьёзным. — Я Варвару знаю. Приглажусь к ней. А ты, малец, поосторожней будь, они шуток не шутят.

— Я стараюсь, тётя Катя. Первый раз молоко вёз. Струхнул маленько, — Коля покраснел. — Привыкну.

Через полчаса он уже шагал по шоссе к дому. На санках стоял пустой бидон

и небольшой мешочек с мукой. Под рубашкой лежала записка.

Возле выхода из Ивацевичей Колю остановили два полиция.

— Чего везёшь?

— Муки немного, — он не ощутил ни капли страха.

— А в бидоне что?

— Молоко было. Отвёз пану Козичу.

— Какому?

— Тарас Ивановичу. А это его жене муку везу, — соврал Коля.

— А-а-а... Ну-ну, вези, малец.

Полицейские пошли дальше.

Часовой солдат на шоссе только кивнул головой: мальчишка вполне лояльный. Когда проходил в ту сторону, — налил ему большую кружку молока.

Коля шёл по шоссе, и ему хотелось петь, так легко и радостно стало на душе. У самого поворота на просёлок ему встретилась странная процессия.

Рыжая кляча тащила за собой низкие дровни. На дровнях лежали два немца с перебинтованными лицами. Их везли ногами вперёд, как покойников. Рядом шли пятеро автоматчиков.

Коля остановился у обочины и с любопытством смотрел на процессию.

«Ишь, как их разукрасили! — подумал он. — Не иначе, как партизанская работа. Скоро всех вас перекокошат. Дорогу сюда забудете». Когда дровни проехали, Коля показал им язык и зашагал в Вольку.

(Продолжение следует)

Творчество наших читателей

В детском садике

*Доски сняты, где задачи
Мы решали год подряд.
И теперь живёт на даче
В нашей школе детский сад.*

*Цветники, луга, аллеи
Летом очень хороши.
Здесь, панамками белея,
В травах бродят малыши.*

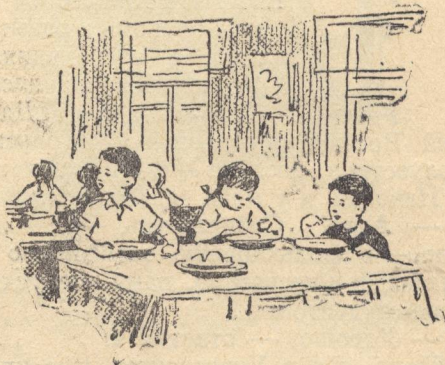
*Ловят бабочек сачками,
Строят домики в песке,
В бор шагают за грибами,
Ищут ягоды в леске.*

*И, пройдя леса, канавки,
Весь обед съедят сполна,
Даже скажут: «Нам добавки,
Валентина Павловна!»*

Лёня ДЯТЛОВ,
Шильцевская средняя школа,
Лужский район

Рис. А. Крутцова

Комары

*Под большим навесом тихо.
В жаркий полдень каждый день
Комары здесь пляшут лихо
И поют, забравшись в тень.*

*Песни их наводят скуку.
Мастера зато плясать!
А потом облепят руку,
И давай её кусать.
Не дают стихи писать!*

Володя ГОРКИНСКИЙ
8-й класс, 94-я школа

Д.м. Молдавский

Рисунки Б. Стародубцева

В ПОИСКАХ ПЕСЕН

(Из записок фольклориста)

1

БЫЛО это так. Летом все мои знакомые разъехались с экспедициями. Геологи отправились в Тана-Туву и на Дальний Восток, ботаники — на Кольский полуостров, зоологи — в Таджикистан. Наконец и у меня зазвенел телефон. — Алло! Собирайтесь, — сказали мне, — в фольклорную экспедицию за сказками и песнями. С вами поедут ещё трое студентов.

— Хорошо, — ответил я.

Пока шёл в Университет, мне представлялись скалистые отроги Тянь-Шаня, голубой дым над юртой и столетний старик охотник, рассказывающий великолепные старинные легенды.

В Университете сказали, что мы едем... в Псковскую область.

Я даже немного расстроился. Все знакомые — на Памире или в Саянах, а я буду бродить где-то здесь, под самым Ленинградом.

2

КОГДА маленький городок Пыталово скрылся за лесом, начался дождь. Все мы четверо вымокли в несколько минут. И, к тому же, потеряли дорогу.

«Вот тебе и «под самым Ленинградом!» — подумал я...

Мы переходили вброд какие-то речки, пробирались через кустарник.

— Ах, — сказала Тоня, — если бы я знала, никогда бы не поехала.

— А я бы поехал! — возразил Воло-

дя. — Только взял бы резиновые сапоги.

Лёля отважно пробиралась вперёд и молчала.

Мы разыскивали знаменитую песенницу Вавилову.

Подошли к водяной мельнице. С грохотом валила в пропасть вода, вращая невидимые колёса. Перейдя через плотину, мы спросили, где живёт Настасья Ивановна Вавилова.

— Вавилова? — отозвался какой-то старик. — Наша песенница? Да вот рядом...

Вот и изба. Высокая немолодая женщина сидит против нас и поёт. И, слушая её, мы забываем про маленькие трудности похода и радуемся встрече. Сила народная, идущая из глубины столетий, звучит в простых словах песни:

*Не бывать шельме-злодею в нашей
каменной Москве.*

*Ай-люли, ай-люли, в нашей
каменной Москве.*

Звонящим густым голосом поёт Настасья Ивановна старинную песню о турецкой войне.

*Поле чистое, турецкое.
И поле чистое, турецкое.
Мы когда тебя, поле, пройдем...
И мы когда тебя, поле, пройдем...*

Вот она, живая история! Не под звуки ли этой песни брали русские солдаты Плевну, сражаясь за свободу Болгарии?

А Настасья Ивановна всё поёт. Наши тетради покрываются строчками записей. Записывать надо точно, сохраняя не только все слова, но и особенности произношения.

— Не устали ещё слушать? — спрашивает Настасья Ивановна. — Много песен я знаю с молодых годов — и про женскую долю и весёлые хороводные...

Мы просили спеть что-нибудь весёлое. И Настасья Ивановна поёт известную песню о непутёвых братьях — про Фому и Ерёму. Про то, как купили они двух лошадей: — «а Ерёмину не тянет, Фомина-то не везёт», как приобрели

двух собак: — «а Ерёмину не лаает, Фомина совсем не знает» и про другие их дела.

Шуточные песни, песни о женской доле, колядовы́е — огромное количество песен знает Настасья Ивановна. Но здесь мало записать слова. В следующий раз мы приедем с фонографом — записывать и слова и мелодию.

Тетради исписаны с начала до конца. Мы встаём и прощаемся.

— Не жалеешь, Тоня, что поехала? — спрашиваю я.

— Конечно, нет, — говорит Тоня. — Конечно, нет!

Дождь уже прошёл. Мы идём по мокрой траве. Отовсюду доносятся голоса птиц. Гудит река. И всё кажется нам, что мы слышим далёкую, ещё не записанную песню.

Хорошо в лагере! Далёкие походы, беседы у костра, спортивные соревнования... Но всё это возможно при хорошей погоде. А что если начнёт моросить дождь? Чем заполнить время в ненастные дни?

Можно, конечно, взять в библиотеке книгу и коллективно почитать её. Или провести шахматно-шашечный турнир, заняться настольными играми.

Но есть и другие способы весело провести дождливые дни, так, чтобы и себе было полезно и друзьям интересно.

— Какие способы? — спросите вы.

Вот об этом и будет разговор.

Чудесное превращение

В СКАЗКАХ случаются самые удивительные и чудесные превращения: какие-нибудь ничённые черепки превращаются в золотые монеты, невзрачные и самые что ни на есть обыкновенные камешки — в переливающиеся всеми цветами радуги драгоценные камни...

— Так ведь это в сказке, — скажете вы. — Что же тут удивительного? Придумать можно всякое...

Это, конечно, верно, была бы фантазия... Однако и в жизни бывают довольно-таки

удивительные превращения. Например, старую проволоку можно превратить в вещи, которыми вы и ваши друзья с увлечением отдадите свой досуг. Разве это не удивительно? Тем более, что совершить это чудесное превращение можете вы сами: большого умения здесь, пожалуй, даже и не нужно.

Среди занимательных задач и головоломок различного вида издавна занимают почётное место проволочные головоломки.

Сегодня мы расскажем о

том, как сделать десяток проволочных головоломок. Вы сами сделайте их — из бросовой, никому не нужной проволоки, с помощью самых простых инструментов. Сделайте и попробуйте разгадать. Если же разгадать не удастся, то в следующем номере «Искорки» мы вам поможем. И расскажем, как сделать новые, ещё более удивительные и занимательные головоломки. Так вы станете обладателями необыкновенной коллекции.

Коллекция будет расти, вы будете пополнять её не толь-

ко с нашей помощью, но пользуясь и другими источниками — книгами, журналами, коллекциями других любителей. Наконец, вы сами, может быть, сумеете придумать свои

Рис. 1

собственные головоломки — это вполне возможно.

Итак, за дело.

Какая проволока пригодна для нашей цели? Железная, не очень толстая (с нею трудно работать), но и не тонкая, чтобы изделие обладало известной прочностью. Лучше всего пользоваться проволокой толщиной в 2—3 миллиметра. Стальная проволока неудобна, она упруга и не сохраняет приданной формы. Если же её отжечь — накалив до красна и дать постепенно остыть, то можно пользоваться и ею, она станет достаточно мягкой.

Из инструментов понадобятся: кусачки, плоскогубцы,

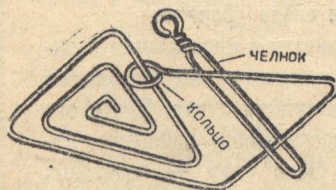

Рис. 2

круглогубцы. Если у кого-нибудь найдутся тисочки, то они будут очень полезны. Понадобятся также молоток и наждачная бумага.

Рассмотрите рисунок 1. Изображённая на нём голово-

ломка состоит из трёх частей. Здесь требуется освободить челнок — снять его с дужки и со стержня. Это нетрудная задача, однако новичка и она в первый момент ставит в тупик. Изготовить головоломку несложно, но нужно обращать внимание на соотношение размеров отдельных её частей. Если вы сделаете стержень в два раза длиннее, чем на рисунке, то и кольца на его концах должны иметь вдвое больший диаметр, и челнок должен быть вдвое длиннее и шире, и дужка, и её кольца... Челнок нужно делать возможно шире, но всё-таки он должен свободно проходить в кольца дужки. Кольца сгибай-те с помощью круглогубцев

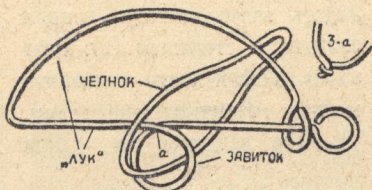

Рис. 3

или же плоскогубцами на круглой оправке — палочке, потолще карандаша.

Вторая головоломка потруднее, но если вы разгадали первую, то справитесь и со второй: принцип решения один и тот же. Челнок должен свободно входить в кольцо и, кроме того, быть достаточно длинным, в противном случае снять его будет затруднительно.

Третья головоломка, в которой также требуется снять челнок, имеет такой же «замок», с каким вы имели дело в первой головоломке, однако «завиток» на тиве лука осложняет решение задачи.

Челнок на рисунке изображён спаянным. Если паять будет для вас затруднительно, — замените пайку скручиванием концов проволоки на широком

конце челнока, как указано на рис. 3-а.

Следующие три головоломки (4, 5 и 6) ничем не напоминают первых. В каждой из них имеются две части, соединённые подвижным сочлени-

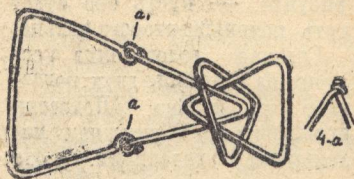

Рис. 4

нием, они могут складываться. Очевидно, в этом — ключ к решению.

Четвёртая головоломка состоит из трёх треугольников. Самый большой из них — складной. Изготавливая головоломку, об этом нужно помнить и добиваться, чтобы сочленения (а и а₁) действительно были подвижными. Два других треугольника у нас показаны спаянными, но спайку опять-таки можно заменить скручиванием. Это удобнее делать на одной из вершин треугольника (см. рис. 4-а). Чтобы разгадать головоломку, нужно снять самый маленький треугольник — освободить его.

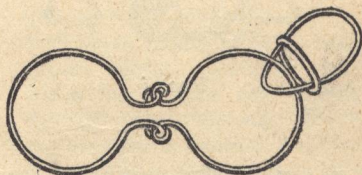

Рис. 5

В пятой головоломке требуется снять кольцо. При изготовлении следует также обратить внимание на сочленение складывающихся частей. Изготавливая кольцо и «яйцо», скрепление (скручивание)

можно сделать в любом месте, где вам удобно.

В шестой головоломке также требуется снять самое маленькое кольцо, снабжённое для удобства «ручкой». Для надёжности сделайте его побольше, чем указано на нашем рисунке, — пусть оно будет чуть поменьше второго кольца.

Седьмая головоломка состоит из стержня, двух подвесков и кольца. Подвески скреплены со стержнем маленькими колечками. Это

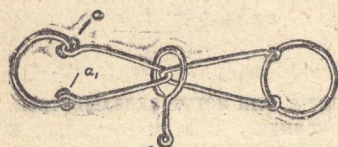

Рис. 6

крепление должно быть настолько подвижным, чтобы подвесок можно было перемещать с одной половины стержня на другую и обратно. Без этого невозможно решить задачу — снять со стержня кольцо.

Восьмая головоломка состоит из стержня, двух подвесков и двух колец — большого и малого. Это малое кольцо

Рис. 7

по и требуется снять со стержня.

В девятой головоломке также имеются подвески, но они крепятся на стержне не с помощью особых колечек, а петлеобразно загнутыми концами. Эти петельки следует делать посвободнее, чтобы подвесок можно было перемещать по змеевидному стержню. Если вам не удастся добиться этого, — можете снабдить под-

вески колечками, как в двух предыдущих головоломках.

Десятая головоломка делается из толстой проволоки — 4—5 миллиметров. Она состоит из двух одинаковых ча-

Рис. 8

стей. На рисунке они изображены повернутыми в разные стороны, чтобы можно было видеть зазор между концом завитка и стержнем (а). Этот зазор должен быть несколько меньше толщины проволоки. Диаметр завитков и длина

Рис. 9

стержней особого значения не имеют. Требуется разъединить стержни, не прилагая при

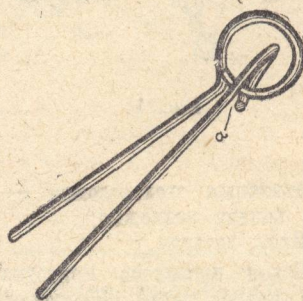

Рис. 10

этом никакого усилия, то есть не пытаясь протолкнуть завиток в зазор.

ЖИВАЯ ЦЕПЬ

ДЛЯ этой игры потребуется лист бумаги и карандаш. Начинаящий «живую цепь» пишет название какого-либо животного (зверя, рыбы, птицы, насекомого) в именительном падеже и в единственном числе. Допустим, он написал слово «баран».

Его сосед слева забирает листок с карандашом и пишет рядом название другого животного, начинающееся с последних двух букв предыдущего слова. Пусть это будет «антилопа». Третий припоминает животное, название которого начиналось бы с «па» — последних букв предыдущего слова (допустим, «павлин»).

В результате может получиться такая цепь слов: баран—антилопа—павлин—индейка—кашалот и т. д.

Кто «застрянет» на трудном слове и не сможет припомнить нужное животное, получает минус или выбывает из игры.

Цепь можно составлять не по двум последним буквам, а по одной или по трём. Об этом надо договориться заранее.

ЦАРОДЕИ

КАЖДЫЙ из вас не раз, конечно, видел фокусника и восхищался ловкостью, с которой он проделывал всевозможные невероятные трюки.

Для того чтобы научиться делать сложные фокусы, нужно, конечно, очень много тренироваться. Но...

Впрочем, вообразите, что вам поручили выступить на лагерном концерте в роли... фокусника. А времени на подготовку осталось совсем мало.

Не отчаивайтесь и смело беритесь за дело.

Для фокусов, которые мы поможем вам сделать, потребуются небольшой круглый столик с тонкой скатертью и ещё кое-какая мелочь.

Перед выходом на сцену обмотайте себе голову чалмой (её можно сделать из простого полотенца), украсьте её «бриллиантом» или самоцветными камнями, а также вооружитесь «волшебной» палочкой.

После этого можете приступить к своей программе. Выступление можно начать с короткой вступительной речи:

— Уважаемые зрители! Только что вам сообщили о том, что я знаменитый чародей Гут-А-Лин. Я объехал много разных стран и городов, а сегодня решил выступить перед вами. Только прошу обратить внимание на то, что я не из тех фокусников, которые глотают шпаги или прокалывают себя иголками. Мои фокусы просты и не требуют громоздкой аппаратуры.

Вот, например, я беру со стола нитку и привязываю к ней пуговицу. Раз... Два... Готово! Теперь беру спичку и

поджигаю нитку немного выше пуговицы. Вы видите? Нитка горит!.. Она уже сгорела! Но почему же пуговица продолжает висеть в воздухе?

(Зрители, конечно, удивлены, потрясены. Но мы-то с вами знаем, что прежде чем положить «волшебную» нитку на стол, вы подержали её в крепком растворе соли, а затем дали обсохнуть. Потом ещё раз намочили, опять обсушили. И так несколько раз. Вот и получилось, что нитка сгорела, а соль осталась. Она и удержала пуговицу).

— А теперь прошу обратить внимание на этот лист бумаги. Он совершенно чист. Вот одна его сторона, вот другая. Но стоит мне взять красный карандаш (берете со стола карандаш с длинно очиненным грифелем) и зачинить его (соостругиваете грифель на бумагу), а потом дунуть на

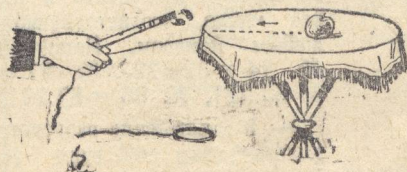
бумагу и... Пожалуйста: на ней появилась красная звезда!

(Прежде чем положить на стол этот лист бумаги, вы, конечно, нарисовали на нём звезду, обмакнув кисточку в сладкую воду, а потом дали рисунку просохнуть. Когда вы дунули на бумагу, стружки грифеля прилипли к невидимому рисунку, и «появилась» звезда).

— Вы, наверное, думаете: для чего это у меня «волшебная» палочка? Сейчас покажу её чудесное свойство. Взгляните на это румяное яблоко. Оно настоящее. Видите, я подбрасываю его, а могу даже немного откусить... Очень вкусно!.. Теперь я кладу это яблоко на середину стола и заставляю его ожить. (Взмахиваете «волшебной» палочкой). Раз... Два... Три... Вы видите? Яблоко отправилось путешествовать! Оно движется по столу.

(Никакая палочка, конечно, не заставит «путешествовать» яблоко, если вы не положите под скатерть небольшое кольцо из тонкой проволоки. К кольцу надо привязать нитку, свободный конец которой пропущен сквозь скатерть как раз в том месте, где лежит «волшебная» палочка. Когда вы надкусите яблоко, кладите его на приметную только для вас точку на скатерти, поставленную в центре кольца. Затем берите «волшебную» палочку вместе с привязанной к кольцу ниткой и тяните к себе).

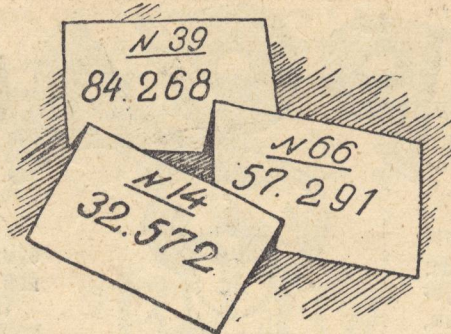
— А сейчас, уважаемые зрители, я предлагаю вашему вниманию опыт со спичкой. Беру из коробка первую попавшуюся спичку. Возь-

мите, пожалуйста, её, осмотрите. Можете сделать какую-нибудь пометку на ней карандашом или вечным пером. Вот так. Спасибо! Внимание! Кладу спичку на носовой платок, заворачиваю. Раз... Два... Теперь так и ещё вот так. Прошу кого-нибудь надломить спичку. Вот вас! Вы чувствуете, где лежит спичка? Ломайте, не стесняйтесь! Благодарю вас. Вы уверены, что хорошо сломали спичку? Хорошо? Сейчас проверим. (Вы разворачиваете платок и... достаёте оттуда целую спичку). Вот спичка, проверьте: на ней есть все ваши пометки.

(Для этого фокуса нужен платок с каймой, в которую надо заранее спрятать спичку. Платок должен лежать на столе так, чтобы кайма со спичкой была обращена к вам. Отмеченную спичку, вы кладёте на середину платка и накрываете сперва той его стороной, которая находится ближе к вам, затем верхней, правой и левой. Зажав в руке отмеченную спичку, вы даёте ломать свою, запрятанную в кайме. А когда развернёте платок, покажете «уцелевшую» спичку).

— Когда я ещё учился в школе, все поражались моей необычайной памяти. Я с лёгкостью запоминал все формулы по алгебре, тригонометрии и химии. Сейчас вы сами сможете убедиться, какая у меня хорошая память. Я заготовил несколько десятков карточек с номерами. Под

каждым из них стоит пятизначное число. Стоит вам назвать номер карточки, как я тотчас назову соответствующее число. Вот вам карточки. Я стану спиной к вам. Прошу, называйте номера. Номер 39?.. Под этим номером стоит число: 84.268. Номер 66? Под ним число 57.291...

(Ваша «феноменальная» память поражает зрителей, а между тем тут ничего запоминать не приходится. Надо только хорошо считать в уме.

1) К названному номеру надо прибавить 9. 2) Сумму взять наоборот. 3) Сложить первую и вторую цифры и, отбросив десятки, если они есть, приписать справа к трёхзначному числу. 4) Сложить вторую и третью цифры и приписать справа единицы. 5) Сложить третью и четвёртую цифры и единицы суммы приписать справа. Вот и готово заданное число! Посмотрим на примере № 39: 1) $39 + 9 = 48$. 2) 48 наоборот будет 84. Это — тысячи. 3) $8 + 4 = 12$. Отбрасываем десятки и приписываем к числу 84 единицы: 842. 4) $4 + 2 = 6$. Приписываем справа шестёрку, получается 8426. 5) $2 + 6 = 8$. Приписываем 8 и получаем искомое число: 84.268. Таким же способом вы можете высчитать в уме все числа, соответствующие любым номерам. Например: № 14 = 32.572, № 27 = 63.921, № 66 = 57.291).

— В заключение разрешите показать вам ещё один фо-

кус. Но для него мне потребуется помощник. Кто возьмётся помочь? Прошу вас!.. Видите, я беру со стола длинный тонкий шнур. Осмотрите его, пожалуйста! Он целый? Нигде нет узлов или надразов? Хорошо. Теперь я складываю шнур вдвое и пропускаю его сквозь петли своего жилета. Попробуйте, прочна ли петля. Возьмите, пожалуйста,

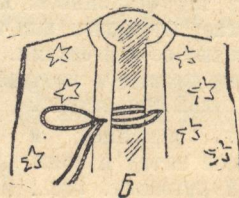
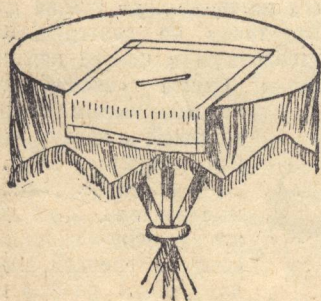
свободные концы шнура. Вот так. Крепко держите? Не выпустите из рук? Теперь встаньте лицом к зрителям и продолжайте крепко держать шнур. А я тем временем пойду за занавес и за несколько минут попробую освободиться из «плена». У вас хватит терпения ждать? Очень хорошо! Я постараюсь вас не задерживать. Пошёл!

Вы уходите за занавес и через некоторое время командуете:

— А теперь тащите!

(Ваш помощник тянет за свой конец шнура, и на сцену выезжает привязанная к нему... метёлка. Следом за ней выходите вы и раскланиваетесь.

На рисунке показано, как делать петлю. Уйдя за занавес или ширму, возьмите правой рукой шнурок в месте

сгиба, проденьте через вторую петлю вашего пиджака и вытяните возможно дальше. После этого поверните петлю на пол-оборота от себя и пролезьте в неё ногами. Остаётся провести петлю снизу вверх позади себя, и вы свободны).

* * *

Фокусы, хоть и не сложные, требуют тренировки. Больше тренируйтесь! А показывайте фокусы в быстром темпе, чтобы зрители не успели «опомниться» и сообразить, в чём секрет «чародея».

КОСТЁР

Слова Н. Щербакова
Музыка Н. Агафонникова

1.

На привале и на пляже,
Всюду, где идёт игра,
Часто с нами вместе пляшет
Пламя жаркого костра.

Припев:

Споём дружной.
Пусть весело время
промчится.

В кругу друзей
Учиться легко и трудиться.
В кругу друзей
Песни петь у костра веселей.

2.

Ни на миг не умолкает
Наш весёлый разговор.
И костёр горит, пылает,
Рвётся с песней на простор.

Припев.

3.

Пламя светится всё ярче.
Роем искорки летят.
Но ещё светлей и жарче
Наши галстуки горят.

Припев.

4.

И пускай пройдёт с годами
Нашей юности пора,
Не забудем никогда мы
Пионерского костра.

Припев:

Споём дружной.
Пусть весело время
промчится.

В кругу друзей
Учиться легко и трудиться.
В кругу друзей
Песни петь у костра веселей.

Ноты помещены на 2-й странице обложки

А. Орлянский

Рисунки В. Орлова

Палькина тайна

В ПРОШЛОМ году мой двоюродный брат Палька всё время твердил, что будет капитаном дальнего плавания. Он ходил вразвалку, научился сплёвывать сквозь зубы и тренировался плавать «брасом», потому что настоящие капитаны, по его словам, плавают только таким стилем.

Палька так расписывал свои будущие путешествия и приключения, что соблазнил стать моряком и меня. На дедушкиной лодке мы избороздили вдоль и поперёк всю Воложку, на нас нападали пираты, не раз оказывались мы на необитаемых островах, а во время одного из кораблекрушений утопили Палькины штаны и мою левую сандалию. Правую я выкинул в Воложку сам, потому что всё равно ведь в одной ходить не будешь.

Капитаном всегда был Палька. Он сидел, развалясь, на корме и командовал:

— Лево руля! Полный вперёд!

Под расстёгнутым воротом у него на груди были нарисованы тавотом с уключин полосы тельняшки, а на голове красовалась чёрная фуражка с маленьким, потрескавшимся от старости лакированным козырьком.

Тельняшку рисовал на груди и я, но больше ничего морского у меня не было. И хоть я был твёрдо уверен, что Палькина фуражка — не фуражка, а старый дедов картуз, всё-таки я здорово ему завидовал.

Но в этом году мне и самому было чем похвастать. На день рождения отец купил мне морские брюки. С застёжками по бокам, широкие внизу, они были мне немного

великоваты и подметали землю при каждом шаге, но ведь настоящие моряки именно такие и носят.

Всю дорогу я представлял себе, как будет завидовать Палька моей обновке. Разве можно сравнить её с засаленным дедовым картузом?!

Не успела машина, которая довезла меня со станции, остановиться перед домом, как я спрыгнул на землю.

— Палька!.. — закричал я и выставил ногу в широченной брючине напоказ. — Посмотри!..

Палька посмотрел, но нисколько не удивился.

— Ничего, подходящее, — только и сказал он.

Он даже не пощупал сукно, не поинтересовался шириной. Палька взял мой чемодан и понёс его в дом, а я, обескураженный таким равнодушием, поплёлся за ним.

Тётя Даша — Палькина мать — усадила меня с дороги обедать. Она расспрашивала о Ленинграде, о родственниках, а Палька сидел, хмурил свои жидкие бровки и молчал. Я ломал голову, стараясь догадаться, о чём он думает, и на вопросы тёти Даши отвечал невпопад. Она очень удивилась, услышав, что моя сестрёнка Надя выхлопотала пенсию по старости, а бабушка окончила в этом году десятилетку и собирается поступать в институт геологоразведки.

После обеда мы выбежали во двор. Был полдень. Куры забрались от жары под амбар и, закопавшись в прохладную пыль, дремали. Из открытого окна кухни доносился звон тарелок — тётя Даша мыла посуду.

— Айда на Воложку! — предложил я.

— На Воложку? — переспросил Палька. — Сходим ещё, успеем.

Он оглянулся и поманил меня за угол дома.

— Дело есть.

Я подошёл.

Палька снова оглянулся, но никого поблизости не обнаружил.

— Только смотри — ни-ни!.. — он помотал пальцем перед губами. — Понял?

Ещё бы не понять!.. Ясно, что тайна.

— Да что б я!.. Да хоть кому-нибудь!..

— Ладно, — сказал Палька, — идём.

Мы вышли со двора. Когда-то рядом с Палькиным домом стояла кузница. Во время войны её разбомбили, кирпич разобрали на другие постройки, а от кузницы осталась только цементный фундамент. Двор зарос молочаем, конским щавелём и колючками.

Вот сюда-то и повёл меня Палька.

В центре пустыря оказалась расчищенная от травы небольшая грядка.

— Вот! — сказал Палька.

Из вскопанной земли пробивались какие-то невысокие трубчатые стебельки.

— Что это? — спросил я.

— Пшеница, — ответил Палька.

Скажи он, что это ростки гигантского баобаба или сахарного тростника, который растёт в жарких странах, я бы не удивился. Всё-таки необыкновенные растения. Но пшеница?..

— Только не простая, — торжественно сказал Палька, — а двухколосная.

— Какая, какая?

— Двухколосная, — повторил он.

Я засмеялся:

— Такой и не бывает!

Палька не стал со мною спорить. Он вытащил из-за пазухи бумажный пакет, развернул его и, вынув засушенный стебелёк, протянул мне:

— Смотри.

Я никогда раньше не видел такого. Палькин стебелёк был действительно двухколосный. Обычный коленчатый стебелёк пшеницы на конце раздваивался, и на каждом из отростков было по колосу. Ровненькие, похожие друг на друга, как братья-близнецы, они упруго топорщились, когда я их трогал пальцами.

Я стоял и разглядывал диковинный стебелёк, а Палька, захлёбываясь, рассказывал, как в прошлом году, осенью, он нашёл его в поле, с колосками, полными зёрен, и сперва хотел отдать учителю по ботанике для школьного гербария, а потом решил вырастить новый сорт пшеницы.

— Понимаешь, какое дело будет, если вырастет двухколосная!..

Я, конечно, понимал. Но мне сразу эта затея пришлась не по душе.

— А как же море? — спросил я.

— Ну, море, море... — отмахнулся Палька. — Мало ли во что мы играли... А тут дело!

«Дело!..» Мне показалось, что Палька специально и выдумал всю эту историю с пшеницей, чтобы не дать мне покапитанить.

— Ерунда, — сказал я. — Всё равно ничего не получится.

— Почему? — удивился Палька.

— «Почему, почему»... А почему до нас никто не вырастил такую?

— Да, может, такого колоса и не находили раньше! Ты понимаешь?..

Но я не слушал.

— Так уж и не находили!..

Палька нахмурился.

— Не хочешь помогать и не надо, — сказал он и отвернулся.

— Ну и возись один! — обозлился я и пошёл с пустыря.

Отойдя шагов на двадцать, я оглянулся. Палька по-прежнему стоял ко мне спиной.

— Профессор кислых щей!.. — крикнул я, но он даже не повернулся.

ВОТ так и началась эта история с пшеницей. С Палькой мы, конечно, помирились в тот же день. Но, вообще-то, он стал очень странным, совсем не таким, как в прошлое лето. Даже по внешности изменился. Не то похудел, не то вырос. Он обуглился на солнце, как головешка, нос облупился, а волосы стали совсем жёлтыми.

По-прежнему мы путешествовали на старой лодке, но что это за игра, если в самый интересный момент Палька вдруг вспоминал, что ему нужно прополоть свою пшеницу или подкормить удобрениями, и мы сейчас же возвращались!

Самым страшным врагом своего посева он считал кур. Мы так их шугали с пустыря, что бедные куры, встретив нас во дворе, шаркались с таким кудахтаньем, словно мы их собирались проглотить живьём.

В библиотеке Палька достал «Справочник агронома» и часто читал его, выписывал что-то на бумажку. Как-то и я заглянул в справочник, но он оказался до того скучным, что я чуть не уснул

Каждый день с утра мы бежали на грядку и осматривали стебли: не прогнулись ли отростки. Но они не проклёвывались. Пшеница росла, вытянулась чуть ли не до пояса, но была самой обыкновенной, одноколосной.

Я давно бы бросил эту дурацкую затею, но разве Пальку переспоришь?!

— А вдруг возьмёт и вырастет? — упрямо твердил он каждый раз, как я к нему приставал.

— Да как вырастет, если стебли уже желтеть начали?! — злился я.

— А может, двухколосная так и растёт?

Ну что ему скажешь? Так и продолжали мы торчать на пустыре.

ОДНАЖДЫ я сидел в тени амбара и придумывал, чем бы заняться от скуки. Палька ушёл на

свою грядку. Во двор вошла девушка, колхозный почтальон, и сунула мне в руки две газеты. Читать не хотелось — было очень жарко. Я развернул «Пионерскую правду», чтобы посмотреть рисунки, и... чуть не выронил её из рук. С третьей страницы на меня смотрел

точно такой же стебелёк, какой показывал мне Палька. Так же раздваивалась на вершине соломинка и на отростках были точно такие же колосья-близнецы.

Под фотографией была статья. В ней говорилось, что двухколосные стебли хотя и редко, но встречаются в природе. Почему они вырастают — точно неизвестно. Это пока ещё тайна природы. Учёные пробовали высаживать зёрна таких растений, но из них всегда вырастала обыкновенная, одноколосная пшеница.

Я кинулся к Пальке на пустырь.

— Эй, ты!.. Академик!.. Держи! Про тебя написано!..

Палька взял газету, посмотрел на фотографию, прочитал статью.

— Говорил же я, что ничего не выйдет! У учёных ничего не получилось, а ты — «я», «я»!..

Но Палька не слушал меня.

— Ишь ты! — сказал он. — Тайна природы!.. Значит, не напрасно я этим делом занялся.

Я хотел рассмеяться, но посмотрел на упрямо сдвинутые Палькины брови, на облупленный нос, на измазанные землёй, исцарапанные руки и прикусил язык. Кто его знает, может, он и в самом деле разгадает эту тайну? Не в этот год, так на следующий. Упрямства у него хватит!

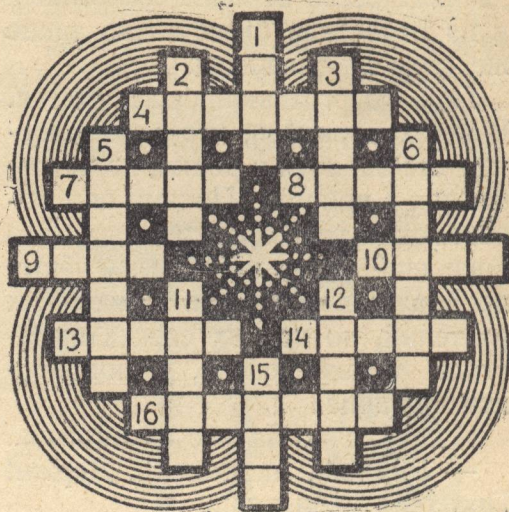

Кроссворд «Загадка»

По горизонтали. 4. Два брюшка, четыре уха. 7. Вырос в поле дом, полон дом зерном, стены позолочены, ставни заколочены; ходит дом ходуном на столбе золотом. 8. Посреди бахчи зелёные мячи, налетела детвора, от мячей одна кора. 9. В лесу родился, в лесу вырос, в дом пришёл, всех вокруг себя собрал. 10. Блестит, сверкает, по полю гуляет, цветы срезает. 13. Маленький Афанасий лычком подпоясан. 14. Сам не бежит, стоять не велит. 16. Стоит на крыше, всех труб выше.

По вертикали. 1. Железный нос в землю врос, роет, копает, как зеркало сверкает. 2. В лес иду — домой гляжу, домой иду — на лес оборачиваюсь. 3. Когда я нужен — меня бросают, когда не нужен — поднимают. 5. Серенький, лохматенький, по дворам шныряет,

крохи подбирает. 6. Он в лесу стоял, никто его не брал, в красной шапке модной, никому негодный. 11. Аленький, маленький, круглый, блестящий, с каждой неделей становился слаще; в руке его тросточка, внутри него косточка. 12. Зелёные горы растут в летнюю пору. 15. Ты от неё — она за тобой, ты за ней — она от тебя.

Из колонны — в шеренгу

(Игра-головоломка)

Когда вы разгадываете ребус или кроссворд, решаете хитроумную задачу, ищете выход из запутанного лабиринта, — вам нужны карандаш и бумага... А сейчас мы познакомим вас с такой головоломкой, для решения которой требуется совсем другое: восемь пионеров и небольшая полянка или площадка, где они могли бы построиться.

Пусть четыре пионера и четыре пионерки выстроятся в колонну по одному. Затем тот, кто стоит в голове колонны, делает несколько шагов вперёд, поворачивается кругом и становится лицом к колонне. Следующий также покидает

свое место, но идёт назад, становясь в хвост колонны. Третий делает то же, что первый, становясь рядом с ним, четвёртый же, подобно второму, становится в хвост колонны. Так продолжается до тех пор, пока все пионеры из колонны перейдут в шеренгу.

Подумайте теперь, в каком порядке должны стоять в колонне мальчики и девочки, чтобы в шеренге они чередовались между собою? Не думайте, что это простая задача, вовсе нет. Попробуйте совершить указанное перестроение, и вы убедитесь, что это очень нелегко сделать.

А НУ-КА, ВСПОМНИТЕ!..

(Литературная задача)

В лесу очень много грибов.

Если подчеркнутые слова заменить словом **масса**, то смысл фразы не изменится:

В лесу **масса** грибов.

Поищите другие слова, которые являлись бы синонимами слова **масса** в этой фразе.

Интересно, кто придумает больше таких слов?.. Очевидно, тот, кто хорошо знает и любит родной язык. Фамилию победителя мы опубликуем в следующем номере «Искорки».

ВОСЕМЬ СЛОВ

Напишите одно под другим (столбиком) следующие слова: 1) знак препинания, 2) планета, 3) мясное или овощное блюдо, 4) духовой музыкальный инструмент, 5) женское имя, 6) слесарный инструмент, 7) часть света, 8) ящерица. Если значения слов будут найдены правильно, то из первых букв (сверху вниз) составит фамилия великого русского писателя, а из последних, в обратном порядке (снизу вверх), — название его произведения.

ПОЧЕМУ?..

Все знают старинную шуточную задачу: «Что тяжелее — пуд пуха или пуд железа?» На этот вопрос нужно было ответить, что вес одинаковый. Однако верно ли это?.. Подумайте хорошенько и скажите, почему килограмм алюминия тяжелее килограмма железа, т. е. обладает большей массой?

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Впишите в свободные клетки буквы, но так, чтобы можно было прочесть фамилии поэтов и писателей, живших и творивших в нашем городе. Их имена носят улицы, проспекты, площади и каналы Ленинграда.

Е	И		И	Ч	Х	В	И		Д	Е		Н	Г		Л
Д	Б	О	Ю	О	К	Р	Л	Е	И	Д	Р	О	Т	В	Л
	В	А	К	В	К	И	Е	К	А	О	Т	О	С	И	О
Т	Е		И	П	Ш	И	Р	Ы	Е	В	Т	И	В	Щ	Д
Т	Л	Т	И			Н	В	Т		Е	Ч	Е		Е	

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 6)

РЕБУС

«В целом мире нет, нет красивее Ленинграда моего»...

КИНОТЕАТРЫ

Мир, Нева, Искра, Аврора, Балтика, Прогресс, Баррикада, Молодёжный.

ЗАДАЧА-ШУТКА

Конка.

МАСТЕРА ПРОШЛОГО

1. Коробов. 2. Леблон. 3. Трезини. 4. Стасов. 5. Старов. 6. Росси. 7. Львов. 8. Чевакинский. 9. Фельтен. 10. Воронихин. 11. Бренна. 12. Баженов. 13. Шустов. 14. Кваренги. 15. Захаров. 16. Кокоринов. 17. Брюллов. 18. Шедель.

ПРАВИЛЬНО ИЛИ НЕТ?

«Для пытливых и внимательных нет наук незанимательных».

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЭТИ

ПАМЯТНИКИ?

На зарисовках художника Андрея Ушина изображены:

1. Памятник первому русскому плавателю вокруг света Ивану Фёдоровичу Крузенштерну на набережной Васильевского острова. Установлен в 1873 году. Работа скульптора Шредера.

2. «Румянцевский обелиск» (работа скульптора Бренна, 1799 год) установлен в честь «румянцевых побед» перед зданием бывшего I кадетского корпуса (Съездовская линия Васильевского острова), где учился выдающийся русский полководец Пётр Александрович Румянцев. До 1820 года памятник стоял на Марсовом поле.

3. Памятник великому русскому полководцу Михаилу Илларионовичу Кутузову возле Казанского собора (работа скульптора Б. И. Орловского).

4. Памятник фельдмаршалу Александру Васильевичу Суворову на площади против Кировского моста. Установлен в 1801 году (работа скульптора М. И. Козловского). На этом памятнике Суворов изображён в виде Марса — древнеримского бога войны.

СОДЕРЖАНИЕ

В лагере. Стихотворение К. Досанова	1
Секрет изобретателя. Рассказ А. Валецкого	2
Флот поднимает паруса. Полотняный город. Стихотворения В. Кузнецова	6
Рассказы бывалых людей. «Парадный конь Чапаева». Из воспоминаний С. А. Кузнина	8
Рыболовы рапортуют. Стихотворение С. Погореловского	17
«Дум спиро». Рассказ Б. Раевского	18
Полёт. Стихотворение М. Островского	27
Почитайте, малыши! «Храбрый заяц». Сказка Г. Шахно- вича. «Как Медведь поспорил с Муравьём». Сказка М. Демиденко	28
Весёлая страничка. Рассказы в рисунках К. Бекташева ..	32
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина	34
Творчество наших читателей. «В детском садике», стихо- творение Лёни Дятлова. «Комары», стихотворение Во- лоди Горкинского	47
В поисках песен (Из записок фольклориста). Дм. Молдавский	48
Когда идёт дождь	50
Костёр. Текст Н. Щербакова к песне Н. Агафонникова	55
Палькина тайна. Рассказ В. Орлянского	56
Клуб смекалистых ребят	62
... На 1-й и 4-й страницах обложки — рисунки К. Бекташева.	
На 2-й странице обложки — ноты песни композитора Н. Ага- фонникова «Костёр» на слова Н. Щербакова (текст на 55-й странице).	
На 3-й странице обложки — фотоэтиюд Г. Сафонова «Ту- ристы».	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57, Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 5/VII.	Подписано к печати 29/VII 57 г.	Тираж 75.000.
М-30410. Заказ № 992.	Формат бумаги 70 × 108 ¹ / ₁₆ .	Цена 1 рубль.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Центр. Фонтанка, 57.

Хотим мы дойти до истоков реки.
А ну-ка, заглянем в свои рюкзаки!

